

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
LVI международной научно-практической конференции*

№ 12 (52)
Декабрь 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Васинович М.А.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич – канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии, редактор переводческой компании ООО «Аспект-Украина».

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич – д-р. философии по искусствоведению, рецензент АНС «СибАК», Украина.

Гужавина Татьяна Анатольевна – канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна – канд. филос. наук, рецензент АНС «СибАК».

Купченко Константин Владимирович – канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-научных и гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»;

Прошин Денис Владимирович – канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич – канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич – канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Шаяхметова Венера Рюзальевна – канд. ист. наук, доц. кафедры общей отечественной истории Пермского государственного национально-исследовательского университета (ПГНИУ), доц. кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарного педагогического университета (ПГГПУ).

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам LVI междунар. науч.-практ. конф. № 12 (52). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2015. 108 с.

Учредитель: АНС «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. Мировая политика	6
К ВОПРОСУ О МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ФИЛОСОФОВ И ПОЛИТОЛОГОВ Васильев Сергей Викторович	6
1.2. Социология и психология политики	11
ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ Судакова Татьяна Григорьевна Гезимиев Адам Султанович	11
Секция 2. Социология	17
2.1. Социология личности	171
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО- ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ Леонова Ольга Викторовна	17
2.2. Социология коммуникаций	23
КОММУНИКАЦИЯ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК АТРИБУТ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Дукин Руслан Альбертович	23
2.3. Социология международных отношений	31
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ Козлов Леонид Евгеньевич	31

Секция 3. Философия	36
3.1. Динамика современной культуры	36
СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ Писарчик Татьяна Петровна Астраханцев Владимир Дмитриевич	36
3.2. Философские проблемы образования	42
УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ Кладова Ирина Сергеевна	42
Секция 4. История	49
4.1. Этнология	49
ГОСТЕВАЯ ТРАПЕЗА СЕЛЬСКИХ КЫРГЫЗОВ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ Куттубекова Венера Мамбеталиевна	49
4.2. Историософия	58
ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ИСТОРИОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ П.Я. ЧААДАЕВА Петько Андрей Андреевич Петько Ольга Михайловна	58
4.3. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	76
СОБЫТИЯ СМУТЫ НАЧАЛА XVII ВЕКА В СКАЗАНИИ О ЯВЛЕНИИ КАМЕННОГО КРЕСТА У ИЛЬИНСКОЙ ОБНОРСКОЙ ЦЕРКВИ ВОЛОГОДСКОГО УЕЗДА Биланчук Роман Павлович	76
ОБЗОР КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛИИ XIV–XVI ВВ. Даваасурэн Ундрах	83

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОДЕРЖИМОСТИ, КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА Крылова Диана Дмитриевна	90
«ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА» СТЕНДАЛЯ В ОЦЕНКЕ ИТАЛЬЯНСКОГО АНОНИМНОГО КРИТИКА Лещенко (Ольшанская) Наталия Михайловна	101

СЕКЦИЯ 1. ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

К ВОПРОСУ О МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ФИЛОСОФОВ И ПОЛИТОЛОГОВ

Васильев Сергей Викторович

*канд. ист. наук, ведущий специалист НП «Серебряное кольцо России»,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: sergo7205@gmail.com*

ON THE QUESTION OF MULTIPOLAR WORLD: CONCEPTUAL VIEW OF MODERN RUSSIAN PHILOSOPHERS AND POLITOLOGISTS

Sergey Vasilyev

*candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer
of SD "Golden Ring" of Russia,
Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

Современный мир стоит на пороге глобальных изменений. Наблюдается переход от однополярного к многополярному миру. Этот процесс пытаются осмыслить философы и политологи, исходя из различных концепций.

ABSTRACT

The modern world is on the threshold of global changes. There is a shift from a unipolar to a multipolar world. Philosophers and politologists try to interpret this process based on different concepts.

Ключевые слова: геополитика; многополярный мир; философия; политология.

Keywords: geopolitics; multipolar world; philosophy; politology.

Многополярный мир – понятие и термин, звучащие ныне с высоких трибун, активно используемые в СМИ и понятийном аппарате науки. Стремительные изменения, происходящие на наших глазах, побуждают к новому взгляду на глобальное мироустройство и именно в контексте концепции многополярного мира.

Мы видим кризис Евросоюза, усиление роли Китая и Индии, новые вызовы и потерю управления мировыми процессами у стран, принадлежащих к числу ведущих держав однополярного мира.

Многополярность (иначе полицентричность) гипотетически означает, что несколько (не менее трех) государств наделены примерно равным экономическим и военным потенциалом, представляя собой своего рода экономические и политические полюса мира.

Моделями возможного распределения сил и власти на мировой арене являются также однополярность и биполярность.

Всемирной истории известны примеры всех трех основных типов миропорядка. Так, классическая многополярная система международных отношений существовала до Первой мировой войны, когда полюсами влияния и притяжения выступал ряд великих держав [6; 8] Для предвоенного периода в то время был характерен «баланс сил» Британии, Германии, Франции, России, США, Австро-Венгрии, Италии и Японии. По оценке А.Д. Богатурова, Н.А. Косолапова, М.А. Хрусталева, многополярности свойственно приблизительное соответствие совокупных возможностей одновременно нескольких государств мира, ни одно из которых не обладает явно выраженным превосходством над остальными. Именно такую структуру международных отношений можно видеть в Европе XIX века. Тогда европейские великие державы ревностно следили друг за другом, не позволяя ни кому усилиться до такой степени, чтобы коалиция всех остальных стран не обеспечивала им заведомого преимущества над пытающимся «уйти в отрыв» потенциальным соперником [2, с. 284].

После окончания Второй мировой войны в мире сформировалась классическая двухполярная система: с одной стороны СССР, и возглавляемые им страны социалистического содружества, с другой стороны «свободный мир» под гегемонией США. Окончание «холодной войны» стало прологом к установлению системы однополярного мира, полностью и безраздельно подчиненного Соединенным штатам.

Сегодня эта система дает трещины и рухнет на наших глазах.

Наблюдаются как практические попытки построения новых отношений, при которых не было бы доминирование единственной сверхдержавы, так и осмысление изменений современного миропорядка.

Например, А.Н. Матанцев-Воинов полагает, что сегодня эпоха многополярного мира подходит к концу, что обусловлено сближением России и Китая [7, с. 146–150]

Некоторые авторы считают утопичной саму модель многополярного мира [5], но при этом многополюсный мир считается более стабильным в плане международной безопасности [6].

Стоит согласиться с известным российским политологом А.Г. Дугиным, что научно разработанной концепции и стройной теории многополярного мира сегодня в нашей науке нет ни в постпозитивизме, ни в теории международных отношений, ни в геополитических исследованиях. Толкования пристрастны и размыты [4, с. 13].

Как констатирует мыслитель, мы пока еще живем в однополярном мире. Однополярный вектор развития все еще продолжается, хотя некоторые аналитики убеждены, что эта эпоха близка к завершению [4, с. 26].

Свежим и оригинальным представляется взгляд современного российского философа-футуролога А.В. Гилюяна, предлагающего в качестве нового миропорядка трехполярный мир. Автор исходит из разработанной им концепции «Аксиодемия» (от греч. «ἀξία» – ценность, «ἄνθρωπος» – народ) – нового политического устройства, призванного прийти на смену старой демократической системе. В наиболее полном виде данная концепция была изложена в 2012 г. [3].

Мыслитель исходит из того, что тенденция к установлению однополярной глобальной системы, как показывают события последнего времени, не несет в мир стабильность и одинаковое для всех стран процветание. Общемировые сообщества под эгидой США, распространяя свою гегемонию экономическим способом, создают эффект политического оправдания вмешательств в дела других государств.

Предполагаемый Трехполярный мир будет способен удержать равновесие в экономическом, территориальном, демографическом отношениях.

Для установления политической, военной и экономической стабильности в мире очень важно образование нескольких центров с примерно равным потенциалом в указанных сферах.

Итак, мировая геополитическая система будет зиждаться на Трехполярном мире. Согласно концепции «Аксиодемия» залогом устойчивости такой системы должен стать комплекс сдержек и противовесов в геополитике, разумное потребление ресурсов, выравнивание демографических показателей, то есть в отличие от большинства современных мировых геополитических моделей, новое мироустройство базируется не на принципах военного противостояния и жесткой экономической борьбы, но исходя из равномерного и рационального обеспечения ресурсами населения различных стран, входящих в страны, образующие новые полюса.

Трехполярный мир, по мысли А.В. Гилюна, будет состоять из трех блоков: Трансамериканский союз, Трансевропейский союз и Трансроссийский союз.

В каждое содружество входят страны, обладающие определенным набором экономических, демографических, территориальных и прочих ресурсов. Внутри каждой из трех этих групп государств создается отдельная социально-экономическая система, включая валюту и пр.

Система «Аксиодемии» создает достаточные для удовлетворения жизненных потребностей условия каждому отдельно взятому индивиду. Это должно привести к снижению психологического напряжения в социуме и не давать государствам менять границы по этническим и иным признакам, вступать в противостояние и конфликты и т. п.

Для взаимовыгодного интереса различных стран мира создается возможность тесного сотрудничества с согласия всех государств в различных сферах на основе долгосрочного договора.

Цель подобной «перезагрузки» мирового устройства – достижение рационального благосостояния как государств, так и отдельного человека, исходя из разумного ограничения производства и потребления ресурсов.

Развитые государства внутри каждого из трех союзов опекают менее развитые страны на основе общего доступа к природно-экономическим ресурсам.

Предполагается, что новая геополитическая система при таком трехполярном устройстве позволит постепенно перейти от деструктивного к созидательному типу жизнедеятельности человечества в целом [1, с. 26].

Итак, в современной политико-философской мысли России наблюдается не только процесс осмысления нынешних геополитических реалий, но и попытка «нащупать» контуры грядущего

миропорядка, заглянуть в будущее, исходя из оценок происходящих ныне изменений. Политологические и футурологические прогнозы базируются на идеалах гуманизма, добра и справедливости, что было изначально присуще русской общественной мысли.

Список литературы:

1. Аксиодемия [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://axiodemia.com/> (дата обращения – 1.12.2015).
2. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и прикладного анализа международных отношений. М., 2002.
3. Гилюян А.В. Отражение жизни. СПб.: «Невзоров от Эколь», 2012 – 445 с.
4. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. – М.: Евразийское движение, 2013. – 532 с.
5. Иноземцев В.Л. Мечты о многополюсном мире // Независимая газета. 2008. 18 сент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-09-18/10_realpolitik.html / (дата обращения – 1.12.2015).
6. Мартынов Б. Многополярный или многоцивилизационный мир? // Международные процессы: Журнал теории международных отношений и мировой политики. – 2009. – Т. 7. – № 3 (21). [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.intertrends.ru/twenty-first/014.htm> / (дата обращения – 1.12.2015).
7. Матанцев-Воинов А.Н. Как США пожирают другие страны мира. Стратегия анаконды. – М.: АСТ, 2015 – 448 с.
8. Рогов С.М. Россия и США: уроки истории и выводы на будущее // Россия и Америка в XXI веке. 2006. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=15> / (дата обращения – 1.12.2015).

1.2. СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Судакова Татьяна Григорьевна

*канд. ист. наук, старший преподаватель,
Владикавказский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ,
РФ, г. Владикавказ
E-mail: tatyanushka.s@mail.ru*

Гезимиев Адам Султанович

*студент финансово-экономического факультета,
Владикавказский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ,
РФ, г. Владикавказ
E-mail: gezimiev@mail.ru*

POLITICAL ACTIVITY OF YOUTH: PROBLEMS AND TENDENCY

Tatyana Sudakova

*cand. East. Sciences, Senior Lecturer
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Vladikavkaz Branch,
Russia Vladikavkaz*

Adam Gezimiev

*student financial-economic of the faculty,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Vladikavkaz Branch,
Russia Vladikavkaz*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема политической активности молодежи. Данная социально-демографическая группа является субъектом политических и социальных отношений и ее активность зависит от множества различных факторов. Установлено, что политическая активность молодежи возрастает в периоды масштабных и переломных событий. Необходимость вовлечения этой части общества в политический процесс является одной из основных задач современного государства.

ABSTRACT

The article regards the problem of young people's political activity. This socio-demographic group is a subject of political and social relationship and its activity depends on many different factors. It is established, that the youth political activity increases in times of large-scale turning-points. One of the most important tasks of the modern state is involving this part of society into political process.

Ключевые слова: молодежь; политика; молодежный парламентаризм; электоральная активность; гражданское общество.

Keywords: youth; politics; youth Parliament; electoral activity; civil society.

На современном этапе важнейшей и актуальной задачей государства является развитие гражданского общества, без которого построение демократии невозможно. В свою очередь, развитие гражданского общества невозможно без вовлечения в общественно-политический процесс молодого поколения. Молодежь, являясь субъектом политических и социальных отношений, активной частью общества, может повлиять на ход осуществления политического решения.

В настоящее время молодежь составляет 27 % от общей численности населения страны [1, с. 58]. Это говорит о том, что молодежь является важнейшим социальным и электоральным ресурсом общества. В обозримом будущем именно эта часть общества будет определять приоритетные направления внутренней и внешней политики страны, определять механизмы управления обществом. Поэтому для России, как и для любого государства, губительна политическая пассивность молодого поколения.

Причины, определяющие специфику политической активности молодого поколения, можно объединить в две группы. Первую группу составляют объективные факторы. К этим факторам относятся

возрастные особенности (подвижность политического сознания, подверженность манипулированию ввиду отсутствия политического опыта), нестабильное материальное положение (сложность трудоустройства, низкие доходы и т. д.) и уровень социально-экономического развития государства.

Вторая группа объединяет в себе субъективные факторы, в частности это степень доверия к институтам государственной власти, уверенность в завтрашнем дне, степень интереса к политическим событиям и т. д.

Одним из способов участия граждан в политическом процессе являются выборы. Однако, участие молодежи в выборах, по оценкам экспертов, в последнее время снижается. Постоянными участниками выборов являются граждане в возрасте от 50 лет и старше. Речь идет не об оппозиционном отношении молодежи к избирательной системе, а о политической незаинтересованности к смене власти [1, с. 58].

Политологи и специалисты по социальной психологии выделяют несколько типов политического поведения молодежи. Первым является конформистский тип, при котором мотивом электоральной активности является, как правило, привычка. Второй тип – протестный, обусловлен юношеским максимализмом, стремлением привлечь к себе внимание. Еще одним типом политического поведения молодежи является рациональный тип. Мотивацией такого типа поведения служит стремление изменить существующую политическую реальность к лучшему, а также чувство ответственности за будущее своей страны. Последним является индифферентный тип, для которого характерна политическая пассивность. Именно данный тип лидирует в современной России. Это обусловлено недоверием к институтам власти и убежденностью в том, что его участие (или неучастие) никак не повлияет на политическую ситуацию в стране.

Однако было бы неправильно однозначно говорить о том, что молодому поколению совершенно безразлична политическая жизнь общества. Так, например, по данным экспертов Левада-Центра, более 60 % участников протестных акций на Болотной площади – молодые люди до 40 лет, из них 12 % – студенты [4, с. 230]. Вместе с тем, такая активность носит волновой характер. Особенностью политической активности молодежи является то, что только масштабные и судьбоносные события приводят к повышению интереса молодого поколения к общественно-политическим процессам. Важна не только активность политического участия, но системность и постоянность политической вовлеченности молодежи. Поэтому волновая активность

не способна повысить включенность молодого поколения в политическую жизнь общества.

Политическая активность граждан сводится не только к участию в выборах и различного рода митингах. Молодое поколение должно быть задействовано в решение государственных задач и активно участвовать в механизме государственного управления на различных уровнях. Это отражено и в Основах государственной молодежной политики РФ до 2025 года [3]. Одним из инструментов вовлечения молодежи в общественно-политическую жизнь является развитие молодежного парламентского движения в России. Во многих странах Западной Европы взаимодействие органов власти и молодежи осуществляется именно через молодежный парламент. Молодежный парламентаризм России начал развиваться параллельно с переходом к демократическому государству. Политологи и социологи в 90-х гг. XX века прогнозировали взлет политической активности молодежи, однако прогнозы не оправдались. Тем не менее, молодежное парламентское движение в России имеет все шансы стать реальной движущей силой, способной влиять на политику государства в молодежной сфере. Несмотря на то, что молодежный парламентаризм в России находится на стадиях становления, во многих регионах существуют молодежные парламенты и организации, которые отстаивают права молодежи и ее объединений. Так, например, в Калининградской области функционирует Молодежная парламентская ассамблея, которая имеет статус консультативного совета при областной Думе. Еще одной формой молодежного парламента являются объединения при органах исполнительной власти, например молодежный парламент Архангельска [2, с. 170].

Важную роль в процессе прививания молодежи политической и правовой культуры играют средства массовой информации. СМИ способны влиять на видение политической реальности и на политическую информированность граждан государства. На сегодняшний день, телевидение занимает лидирующую позицию среди средств массовой информации. Именно через телевидение, в частности через новостные репортажи, молодое поколение узнает о политических событиях в стране, формируют собственную позицию о тех или иных политических процессах. Проведенный опрос 50 студентов «Финансового университета при Правительстве РФ», показал, что 48 % опрошенных студентов регулярно смотрят новостные программы, 44 % получают информацию из Интернета, а остальные 8 % редко интересуются политическими событиями в стране. Очевидно, что молодежь информирована о том, что происходит в стране и за ее пределами,

другое дело, что у современной молодежи есть множество других сфер деятельности: учеба, выбор профессии, создание семьи и т. д.

Таким образом, создание различных программ или рубрик на телевидении, которые бы освещали проблемы права голоса молодежи, способствовало бы ее интеграции в политическую активность. Здесь очень важно отметить, что такой шаг должен быть сопряжен с медийным образованием молодого поколения, то есть с обучением правильному взаимодействию со средствами массовой информации. Выход на экран общественных обсуждений проблем молодежи приведет к реальной сопричастности молодого поколения к делам государства.

Ключевая роль в активизации политической деятельности молодого поколения отводится процессу образования и формирования политических знаний. Особое внимание уделяется социально-гуманитарному блоку учебных дисциплин, который включает в себя философию, политологию, социологию и т. д. На сегодняшний день сложилась противоречивая ситуация с преподаванием социально-гуманитарных дисциплин. В связи с реформированием системы образования, нацеленной на унификацию образовательного пространства России в соответствии с общемировыми стандартами, повсеместно просматривается тенденция сокращения часов на гуманитарные дисциплины или их перевод в дисциплины регионального компонента учебного плана и в разряд курсов по выбору студентов [5]. Процесс вовлечения молодежи в образовательную деятельность имеет общие методологические принципы с процессом повышения политической активности. Для того чтобы молодые люди проявляли интерес к учебе, активно участвовала в проектной деятельности, необходимо мотивировать их различными стипендиальными программами и грантами. Аналогичным образом, для того чтобы молодежь принимала активное участие в общественно-политических организациях, парламентах, партиях, необходимо использовать новые, инновационные методы мотивирования.

Самоорганизация современной молодежи находится на низком уровне. В этой связи государству необходимо более эффективно осуществлять попечительскую функцию. Однако не стоит забывать, что человек как личность и как гражданин формируется именно в семье. Родители должны прививать детям чувство патриотизма, гражданского долга, самостоятельность и инициативность. Только в этом случае молодое поколение станет политически активным, и не будет игнорировать общественно-политические процессы, происходящие в обществе.

Таким образом, можно сделать вывод, что политическое сознание современной молодежи носит противоречивый характер и зависит от множества факторов, как субъективных, так и объективных. Правовой и политический нигилизм молодого поколения обусловлен, в первую очередь, несоответствием реальной политической жизни существующим нормативно-правовым установкам. Несомненно, участие молодого поколения в выборах, различного рода митингах и акциях является положительным фактором, однако это не может в полной мере обеспечить преодоление политического нигилизма. В этих условиях необходимо выстраивать доверительные отношения между государством и обществом. Одним из способов преодоления недоверия к власти и политической пассивности молодого поколения является молодежный парламентаризм, находящийся в России на стадии становления. Необходимость поддержки данного движения представляется очевидной, так как невовлеченность молодежи в процесс государственного управления – прямая угроза национальной безопасности страны.

Список литературы:

1. Беликова Е.А. Политическое участие молодежи: анализ проблем политической активности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2014. – № 1 (31). – С. 57–61.
2. Гукова И.Н. Роль молодежного парламентаризма в развитии общественно-политической активности современной российской молодежи // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – № 1 (172). – С. 169–174.
3. Основы государственной молодежной политики РФ до 2025 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения 10.12.15).
4. Подхомутникова М.В. Политическая активность молодежи как важный компонент политического процесса в России // Теория и практика общественного развития. – М., 2012. – № 4 – С. 229–232.
5. Политическое образование и гражданская позиция молодого поколения России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (27–29 марта 2009 г.). – Казань: Казан. (Приволжский) фед. ун-т, 2010. – 384 с.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ ПЕДАГОГОВ

Леонова Ольга Викторовна

*доцент, канд. социол. наук, доцент
Астраханского государственного университета
РФ, г. Астрахань
E-mail: leonova.o.v@mail.ru*

FEATURES OF SOCIAL AND PROFESSIONAL ADAPTATION OF YOUNG TEACHERS

Olga Leonova

*associate professor, candidate of sociology sciences, associate professor
of Astrakhan State University,
Russia, Astrakhan*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются проблемы социально-профессиональной адаптации молодых педагогов общеобразовательных учреждений г. Астрахани. На основе результатов социологического исследования определены основные факторы адаптации и особенности вхождения начинающих педагогов в профессиональную среду.

ABSTRACT

The article analyzes the problems of social and professional adaptation of young teachers of educational institutions of the city of Astrakhan. Based on the results of sociological research identified the main

factors of adaptation and particular entry beginning teachers in a professional environment.

Ключевые слова: социально-профессиональная адаптация; факторы профессиональной адаптации; молодой педагог; образовательная среда; наставничество; карьера.

Keywords: social and professional adaptation; factors of professional adaptation; a young teacher; learning environment; mentoring; career.

Проблема «старения» педагогических кадров актуальна для многих образовательных учреждений России. Среди причин «кадрового дефицита» исследователи отмечают низкий социальный статус учителя, включение учителей в дополнительную занятость в ущерб основной работе, высокую ответственность, отсутствие льгот, низкую заработную плату у начинающих педагогов. С другой стороны, результаты исследований в сфере подготовки будущих учителей выявляют неготовность выпускников к самостоятельной профессиональной деятельности. Например, большинство молодых педагогов не умеют применять теоретические знания на практике, испытывают трудности в общении не только с учениками, но и с родителями. Им не хватает умений в организации поурочной деятельности, внеклассных мероприятий, самоподготовки. В связи с чем, изучение проблемы социально-профессиональной адаптации молодых учителей, выявление факторов, влияющих на этот процесс, представляет важное теоретическое и практическое значение.

Рассмотрению проблем адаптации молодых педагогов посвящено исследование социолога Е.Г. Черниковой [2, с. 150–153]. Она выделяет ряд внешних и внутренних факторов, влияющих на процесс социально-профессиональной адаптации молодых специалистов в школах. Среди них ведущими факторами выступают: престиж профессии учителя, его материальное положение, мотивация, образовательная среда, уровень психолого-педагогической и коммуникативной подготовки учителя [2, с. 151].

По мнению Л.К. Зубцовой [1, с. 249] основными факторами профессиональной адаптации молодого специалиста должны выступать: социально-демографические; социально-бытовые; социально-психологические; условия и организация труда в школе, образовательный фактор. Особенность состоит в том, что ни один фактор не может быть исключен для достижения главной цели в профессиональной адаптации.

С целью выявления факторов, влияющих на успешность адаптации молодых педагогов в школах города, Центром

социологических исследований Астраханского государственного университета было проведено анкетирование 102 учителей 16 школ г. Астрахани.

По гендерному признаку среди молодых педагогов преобладают женщины (89,2 % от общего количества опрошенных), молодые педагоги-мужчины составили 10,8 % от общего количества опрошенных. Преобладающее число женщин в педагогической среде отражает общероссийскую специфику феминизации профессии «педагог».

Если проанализировать выборку по брачному статусу, то следует отметить, что меньше половины педагогов (38,2 %) создали семью. В то же время значительная часть опрошенных (59,8 %) находятся в состоянии поиска спутника жизни; 71,6 % молодых педагогов не имеют детей; 18,6 % имеют только одного ребенка; 7,8 % – двух детей; 2,0 % – троих.

Основной возрастной группой молодых специалистов являются учителя в возрасте от 20 до 24 лет (63,7 %). Лица в возрасте от 25 до 29 лет, работающие в школе – 27,4 %, старше 30 лет – 3,9 % Таким образом, педагоги в возрасте от 20 до 29 лет составили 91,1 % от общего числа опрошенных. Это может свидетельствовать о том, что для людей этой группы педагогическая деятельность началась сразу по окончании учебного заведения.

Имеют высшее педагогическое образование 68,6 % молодых педагогов, остальные (31,4 %) – высшее непедагогическое образование. Больше половины молодых учителей (53,9%) считают свое материальное положение средним; 33,3 % – выше среднего; 8,8 % – высоким; 2,9 % – ниже среднего и 1,0 % – низким.

Задачи исследования были ориентированы на выявление мотивации профессиональной деятельности, уровня профессиональной подготовки, степени удовлетворенности профессией, перспектив и возможностей карьерного роста.

Результаты исследования показали, что преобладающим мотивом выбора педагогической профессии для 25,1 % молодых учителей стала любовь к детям. Вторым по значимости фактором оказалась «мечта с детства» (22,2 %). Почти равные в процентном измерении позиции набрали такие мотивы, как возможность пойти учиться по направлению (15,2 %), пример любимого учителя (14,4 %), влияние родителей (14,4 %). На последнем месте оказались варианты ответов: «выбор профессии был случайным» и «это мое призвание» (5,3 % и 3,7 % соответственно). Из приведенных данных можно сделать вывод, что только половина респондентов при выборе педагогической

профессии ориентировалась на традиционные ценности педагогической профессии: любовь к детям и интерес к педагогическому труду. Исходя из этого, можно заключить, что ценностные ориентации молодых педагогов характеризуются слабой направленностью на педагогическую деятельность и носят инструментальный характер.

В рамках исследования было выявлено, какими профессиональными качествами должен обладать хороший педагог («идеальный учитель»). В пятерке первых позиций преобладали следующие варианты ответов: любовь к детям (18,7 %), терпение (17,8 %), умение понимать (11,0 %), справедливость (10,3 %), и профессионализм (9,0 %). Из анализа полученных данных следует отметить, что такие качества как доброжелательность, коммуникабельность, целеустремленность молодые педагоги поместили на 12 и 14 места, в то время как эти качества выступают основными психологическими составляющими педагогической профессии и способствуют установлению гармоничных отношений не только с учениками, но и с коллегами в образовательной среде школы.

Привлекательными сторонами профессии учителя молодые педагоги считают общение с детьми (29,3 %), творческий характер работы учителя (24,1 %) и высокий статус учителя, учительской профессии в обществе (19 %). Негативными сторонами педагогической работы, по мнению респондентов, выступают сложившиеся отношения с коллегами, оплата труда, помощь администрации, жилищные условия.

Одним из факторов, влияющим на социально-профессиональную адаптацию молодых учителей, выступает уровень профессиональной подготовки к профессии. Оценивая свою профессиональную подготовленность к работе педагогом, 62,7 % молодых учителей г. Астрахани ответили, что готовы к педагогической работе, «скорее да, чем нет» – 31,4 %, «скорее нет, чем да» – 5,9 %.

Наибольшие трудности в педагогической работе, по мнению респондентов, вызывают календарно-тематическое планирование уроков (30,6 %); проведение внеклассных мероприятий (27,8 %); умение активизировать работу учащихся на уроке (20,6 %); общение с учащимися и их родителями (19,5 %); проведение уроков (9,3 %). Анализ данных показывает, что трудности в профессиональной деятельности охватывают все стороны педагогической деятельности: организационные, дидактические, коммуникативные. Это свидетельствует, на наш взгляд, о недостаточной психолого-педагогической подготовке выпускников в учебных заведениях.

В целях повышения квалификации своей профессиональной компетентности сами молодые учителя отдают предпочтения курсам повышения квалификации (35,3 %), мастер – классам (24,5 %), а также индивидуальной помощи со стороны наставника (17,6 %).

Таким образом, исследование показало, что социально-профессиональная адаптация молодых педагогов носит неоднозначный характер. Тот факт, что за время работы у 54,9 % учителей желание работать в школе возросло, говорит о позитивной адаптивной профессиональной среде, сложившейся в общеобразовательных учреждениях. В то же время большие проблемы у педагогов вызывают отсутствие у детей желания учиться (20,4 %) и их отношение к учителям (17,5 %). Не меньшую роль играют также такие факторы, как уровень учебно-методического обеспечения (13,9 %); несоответствующая затраченному труду заработная плата (11,3 %), а также нехватка времени для самообразования (7,3 %).

Большинство молодых учителей (85,3 %) могут открыто обсуждать с администрацией и коллегами свои профессиональные проблемы, но сложившейся системы наставничества не отметил ни один из опрошенных респондентов. Как отмечает Л.К. Зубцова [1, с. 250], именно педагогическое наставничество выступает важнейшим фактором адаптации, так как включает действенную помощь опытного учителя в преодолении трудностей молодого специалиста в деле овладения профессиональным мастерством и гармоничном вхождении в трудовой коллектив.

Несмотря на то, что 81,4 % молодых педагогов считают, что достаточно легко адаптировались к школе, основными трудностями в педагогической деятельности для них выступают психолого-педагогические проблемы. Так, активизировать процесс обучения на уроке затрудняются 20,6 % учителей, подготовить для учащихся задания различной степени трудности не могут 12 % опрошенных, а 11,2 % молодых педагогов не владеют навыками мотивации учебной деятельностью учащихся.

В то же время, возможность закрепления педагога в школе определяется не только его профессиональной подготовкой. Важными факторами выступают: степень удовлетворенности профессией, наличие свободного времени для самоподготовки, уровень заработной платы, перспективы и возможности карьерного роста. Результаты исследования показали, что среди факторов, негативно влияющих на оценку удовлетворенности работой в школе, выступают такие проблемы как недостаточное учебно-методическое обеспечение

(13,9 %), уровень заработной платы у молодых специалистов (11,3 %), нехватка времени для самообразования (7,3 %).

Исследование показало, что молодые педагоги очень низко оценивают перспективы дальнейшего профессионального роста. Так, свыше 80 % учителей вообще не дали ответа на данный вопрос. Среди тех, кто дал ответ были выбраны варианты: «сдать на категорию», «стать завучем», «стать учителем года». Это свидетельствует о том, что у молодых педагогов не сформированы такие качества профессиональной деятельности как интерес, активность, стремление к творчеству.

Таким образом, проведенное исследование дает возможность сделать следующие выводы:

- социально-профессиональная адаптация молодых педагогов общеобразовательных учреждений г. Астрахани носит неоднозначный характер, что обусловлено влиянием целого ряда факторов, влияющих на социальную адаптацию молодых учителей;
- факторами, снижающими эффективность социально-профессиональной адаптации, являются низкий уровень профессиональной подготовки, недостаточная сформированность личных и профессионально значимых качеств специалиста, отсутствие профессиональной поддержки со стороны педагогического коллектива;
- в повышении качества социально-профессиональной адаптации молодых учителей большую роль играют мотивация труда, степень удовлетворенности профессией, наличие системы наставничества, а также личный профессиональный потенциал: энергичность и инициативность, способности к самореализации, ответственность, коммуникабельность, стремление к совершенствованию своего профессионального мастерства.

Список литературы:

1. Зубцова Л.К. Условия профессиональной адаптации начинающего учителя // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 3. – С. 248–254.
2. Черникова Е.Г. Особенности социально-профессиональной адаптации молодых педагогов общеобразовательных школ // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 4 (333). – С. 150–153.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

КОММУНИКАЦИЯ ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК АТРИБУТ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дукин Руслан Альбертович

аспирант кафедры социологии

Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева,

РФ, г. Саранск

E-mail: dr4400@mail.ru

COMMUNICATION THROUGH SOCIAL MEDIA AS AN ATTRIBUTE OF CONTEMPORARY POLITICAL ACTIVITY

Ruslan Dukin

postgraduate student of sociology department

of N.P. Ogarev's Mordovian State University,

Russia, Saransk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема коммуникации власти с населением и политиком посредством социальных медиа. На примере руководителей субъектов Приволжского федерального округа автором предпринимается попытка анализа их имиджа, сформированного социальными медиа. Автор исследует репрезентивные и коммуникативные функции социальных медиа, показывает их важную роль в современном политическом процессе. Анализируя аккаунты руководителей регионов в Twitter, автор описывает общие тенденции и отличительные особенности конструирования имиджа политика в субъектах Приволжского федерального округа.

ABSTRACT

The problem of communication of political power with people and political circles through social media is considered in the article. In the case of heads of Privolzhsky Federal Okrug subjects the author attempts to

analyze how social media generated political image. The author explores social media representative and communication functions, shows their important role in modern political process. Analyzing the heads of regions Twitter's accounts, the author describes general trends and distinctive features of constructing a politician's image in Privolzhsky Federal Okrug subjects.

Ключевые слова: коммуникация; политический имидж; социальные сети; социальные медиа; интернет; твиттер.

Keywords: communication; political image; social networks; social media; the internet; twitter.

Современные процессы глобализации и информатизации оказывают огромное влияние на социальную структуру и социальные взаимоотношения. Создание новых средств передачи информации способствует трансформации коммуникативной системы в самом широком понимании этого термина. Ввиду ускорения социального времени и нарастающего темпа технологических изменений процесс коммуникации видоизменяется очень быстро фактически на всех уровнях и во всех сферах общества. В том числе и в политике.

Политическая коммуникация, по мнению профессора Чикагского университета Дорис Грабер, представляет собой «создание, распространение, получение и обработку сообщений, которые имеют потенциальный значительный эффект на политику» [5]. Политический имидж является коммуникативной компонентой и подразумевает продуцирование месседжей (сообщений), которые позволяют создавать целостный образ политика и провоцировать соответствующие политические эффекты. Таким образом, политический имидж является конструируемой категорией.

Конструирование имиджа предполагает возможность менять как сами месседжи, так и каналы передачи сообщений. В отечественной политике для создания необходимого имиджа продолжительное время использовались только традиционные медиа. Однако современные интернет-технологии создают условия, когда конструирование имиджа подчиняется новым социальным трендам в коммуникации. Появление социальных медиа породило новые формы коммуникации, когда статус «читателя» расширился до полноправного участника медийного процесса. В настоящей работе не проводится различий между категориями «социальные медиа» и «социальные сети». Они понимаются как синонимичные, хотя в технологическом плане

различия есть. Но с точки зрения исследовательских задач они не являются существенными.

Ниже перечислим важнейшие отличительные особенности социальных медиа. Как было сказано, социальные медиа представляют собой новую форму коммуникации посредством интернета. К ним относят интернет-ресурсы, созданные на основе технологической платформы web 2.0. Главная особенность подобных сайтов – новая форма взаимоотношений с аудиторией, при которой потребитель контента становится также его производителем. Таким образом, социальные медиа предполагают *активный*, а не *пассивный* вид потребления информации. Пользователь становится актором в информационном пространстве и формирует его наряду с авторами контента. В этом и заключается основное отличие социальных медиа от традиционных. При чтении газеты или просмотре телевизионных программ получателю сообщений отводится пассивная роль «стороннего наблюдателя». В свою очередь, социальные медиа вовлекают потребителя информации в общее поле коммуникации, предоставляя ему возможность оставлять комментарии, напрямую вступать в диалог с источником информации, создавать контент.

Политическая система, являясь во многом авангардом общества, активно использует новые виды коммуникации. Современные западные предвыборные кампании практически не обходятся без социальных медиа. Например, за эффективное использование социальных сетей в рамках своей агитационной предвыборной кампании действующего президента США Барака Обаму прозвали «кандидатом 2.0». Конечно, для имиджмейкеров и специалистов PR новые медиа предоставляют огромные возможности по созданию политических образов. Однако в России политики долгое время игнорировали репутационные возможности социальных медиа. Это связано, на наш взгляд, с особенностями отечественной политической культуры, когда между населением и властью существует большая социальная дистанция. У многих российских политиков до сих пор преобладает «советская модель» взаимоотношений с населением, когда открытый диалог практически отсутствует.

Тем не менее, политика должна отвечать требованиям современности, и в последнее время политические деятели разного уровня, от Президента до мэров городов, так или иначе задействуют социальные медиа в своей работе. Наиболее популярной формой интернет-деятельности политиков можно назвать ведение собственных аккаунтов на сайтах Facebook, Twitter, ВКонтакте, Instagram. В одном из своих выступлений (на Международном форуме «Открытые

инновации» в 2013 году) премьер-министр России Дмитрий Медведев сказал, что если еще совсем недавно социальные сети считали забавой для молодежи, то теперь это мощнейший инструмент влияния. Стоит отметить, что Дмитрий Медведев является одним из наиболее активных пользователей социальных медиа среди российских политиков.

С тезисом премьер-министра по поводу огромного влияния социальных медиа на общественное мнение нельзя не согласиться. И хотя среди многих исследователей социальные сети по-прежнему считаются исключительно молодежной средой, факты опровергают подобное мнение. Согласно исследованию Mail.Ru Group [3] в России ежемесячно в интернет выходят 65,9 миллиона человек, из них социальные сети посещают более 90 %. Что касается возраста пользователей, то примерно 20 % процентов аудитории Facebook, Twitter и ВКонтакте – это люди в возрасте от 35 до 44 лет. Аудитория старше 45 лет составляет еще около 25 % от общего числа пользователей вышеназванных социальных сетей. Таким образом, половину аудитории социальных сетей нельзя отнести к категории «молодежь». Социальные медиа перестали быть исключительно молодежной средой.

Можно говорить о том, что социальные сети являются виртуальным отражением действительности и местом общения для огромного количества людей. Политика всегда обращается к массам, поэтому использование социальных медиа в качестве имиджевого инструмента оправданно. Собственные аккаунты в социальных сетях в значительной степени формируют имидж современного политика. Теперь обратимся непосредственно к понятию «политический имидж».

Имидж (англ. image – изображение, образ) – стереотипизированное представление конкретного объекта, существующее в массовом сознании [2, с. 303]. В его основе лежит система ролей, которые человек играет в своей жизни, дополняемая различными факторами. При формировании имиджа реальные качества человека тесно переплетаются с теми, которые приписываются ему окружающими. При сознательном конструировании имиджа ракурс восприятия умышленно смещается. Акцентируется восприятие на определенных моментах, а объект наделяется дополнительными ценностями, обладающими социальной значимостью.

Образ «человека от власти» складывается под воздействием особенностей национальной культуры. В процессе своеобразной мифологизации получается «артефакт», оформленный в виртуальной реальности и часто имеющий мало общего со своим реальным

протееже. Поэтому возникает проблема несоответствия между реальной личностью политика и его образом в медиа. Можно согласиться с мнением Жана Бодрийяра, который говорил, что современный мир образов представляет собой гиперреальность, состоящей из искусственно порожденных образов, подчиняясь законам коммуникативного инсценирования [4, с. 168]. Сегодня очевидно, что социальные медиа предлагают непрерывающийся поток информации, несущий те или иные образы реальности. Некоторые из этих изображений вымышлены и дезориентируют социокоммуникативную систему. С другой стороны, социальные медиа способны делать политику более «прозрачной».

Нужно также иметь в виду, что в российской политической культуре власть носит персонифицированный характер. Юрий Левада отмечал, что российское общественное сознание склонно переносить на безличностные социальные институты и символы характеристики межличностного общения, в результате чего все общественно значимое выступает в персонифицированном виде – и корни зла, и надежды на добро [1, с. 9]. Таким образом, поведение отечественных политиков в социальных медиа носит очень важный характер, поскольку аудитория проецируют поведенческие модели конкретных людей на весь институт политики в стране.

В качестве примера активности отечественных политиков в социальных медиа были проанализированы твиттер-аккаунты трех губернаторов Приволжского федерального округа: Никиты Юрьевича Белых (Кировская область), Владимира Дмитриевича Волкова (Республика Мордовия), Рустама Нургалиевича Минниханова (Республика Татарстан). Проводился анализ этих аккаунтов на предмет стиля ведения микроблога, содержания твитов, частоты записей, наиболее упоминаемых слов и тем.

Существует несколько требований к политическому имиджу. В частности, это востребованность (соответствие запросам общества), реалистичность (соответствие действительности), яркость и простота. На субъективный взгляд, наиболее полно этим требованиям отвечает твиттер-аккаунт Н.Ю. Белых (@NikitaBelyh). Никита Юрьевич известен своей интернет-активностью и неформальным стилем ведения микроблога. В твиттере губернатор Кировской области освещает не только публичную, но и личную жизнь. Активно используется местоимение «я», присутствует большое количество фотоматериалов. Согласно статистике аккаунта Н.Ю. Белых на сервисе рг-су.ру за период в 30 дней он написал 281 твит, сделал 108 ретвитов,

607 раз ответил пользователям. Это достаточно высокий показатель активности.

Чаще всего в своих твитах Н.Ю. Белых упоминает слова: «спасибо», «сегодня», «всем», «пост», «жж», «район», «выложил». Наиболее популярные словосочетания: «жж пост», «доброе утро», «жж пост посвященный». Очевидно, что Никита Юрьевич является активным пользователем и других интернет-площадок. А твиттер губернатора достаточно эмоционален и несет в себе значительную долю личности Никиты Юрьевича.

Твиттер Главы Мордовии Владимира Дмитриевича Волкова (@VolkovMordovia) представляет из себя полную противоположность твиттеру Никиты Юрьевича Белых. Практически полная «обезличенность» аккаунта: автор микроблога предстает исключительно в роли руководителя региона. За 30 дней В.Д. Волков оставил 996 твитов, не сделав при этом ни одного ретвита и ни разу не ответив пользователям. Последний момент особенно важен: диалог с аудиторией отсутствует. Соответственно, главная особенность социальных медиа как инструмента построения имиджа – возможность прямой коммуникации с населением – совсем не задействована. Твиттер работает в монологическом режиме.

Показателен следующий факт. Если у Н.Ю. Белых твиты равномерно «разбросаны» в течение суток, то у В.Д. Волкова значительная часть твитов размещается во временной период с 16:00 до 19:00. Это говорит о том, что ведение блога у Главы Мордовии – скорее некая обязанность публичной персоны и политика, но не личная инициатива.

Владимир Дмитриевич наиболее часто употребляет такие слова как «мордовии», «республики», «будет», «году», «России». Часто использует хештеги #футбол, #украина. Очень показательны словосочетания, которые нередко появляются у В.Д. Волкова в твитах: «млрд рублей», «этом году», «волоконной оптики». В целом, это подтверждает тот факт, что твиттер В.Д. Волкова – это, скорее, аналог телевизионной передачи, где говорится об успехах республики и планах на будущее. Можно сказать, что такая модель ведения твиттера является несколько чуждой для современной интернет-культуры.

Свои особенности имеет и твиттер-аккаунт Президента Татарстана Рустама Нургалиевича Минниханова (@RusMinnikhanov). Рустам Нургалиевич также является активным пользователем Twitter. За период в 30 дней Р.Н. Минниханов написал 356 твитов и 639 раз ответил пользователям. Главным отличием твиттера Рустама

Нургалиевича является тот факт, что Президент Татарстана использует эту площадку для ответов пользователям, а также для того, чтобы оставлять ссылки на свой аккаунт в Instagram. В твиттере Минниханов редко освещает какие-либо события или дает им оценку.

Из 356 твитов 209 – это ссылки на фотографии в другой социальной сети (Instagram). Чаще всего Минниханов употребляет в твитах слова «спасибо» и «рэхмэт» (спасибо на татарском). Двуязычность – также важная особенность твиттера Минниханова, символизирующая региональную и национальную идентичность.

Таблица 1.

Сравнительный анализ твиттер-аккаунтов руководителей регионов

Автор аккаунта	Количество твитов	Количество ответов	Самые употребляемые слова
Н.Ю. Белых	281	607	Спасибо, сегодня, всем, день, пост, жж, район, выложил
В.Д. Волков	995	0	Мордовии, республики, будет, году, России, футболу, чм, строительство
Р.Н. Минниханов	356	639	Спасибо, рэхмэт, опубликов, доброе, поздравляю, сибо

Некоторые руководители других приволжских регионов также имеют твиттер-аккаунты. Однако в целом интернет-активность политиков такого уровня достаточно низкая. На имиджевые цели социальные медиа работают фактически только у губернатора Кировской области. Даже если брать во внимание исключительно Twitter, Н.Ю. Белых умело создает образ «близкого к народу» человека, благодаря открытости и готовности к диалогу. Другой способ формирования имиджа – создание образа «компетентного руководителя» через твиттер (как у В.Д. Волкова) также имеет место быть. Однако подобный стиль больше подходит для традиционных медиа, но не новых.

Список литературы:

1. Левада Ю.М. 1997. Комплексы общественного мнения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные проблемы. – № 1. – С. 7–12.
2. Словарь практического психолога (сост. С.Ю. Головин). – М.: АСТ, Харвест, 1998. – 677 с.

3. Социальные сети в России: исследование Mail.Ru Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://corp.mail.ru/media/files/issledovanie-auditorij-sotcialnykh-setej.pdf>.
4. Baudrillard J. Simulacra and Simulations. — Selected Writings. Stanford: Stanford University Press, 1998. – P. 166–184.
5. Crozier M. Rethinking political communication as recursive governance [электронный ресурс]. — 20th International Political Science Association World Congress IPSA RC 22: Political Communication, 2006 – 35 p. – Режим доступа. – URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5240.pdf.

2.3. СОЦИОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Козлов Леонид Евгеньевич

*канд. полит. наук, Дальневосточный федеральный университет,
РФ, г. Владивосток
E-mail: leonidkozlov@yahoo.com*

HISTORICAL BACKGROUND OF CONTEMPORARY RUSSIAN-KOREAN RELATIONS

Leonid Kozlov

*candidate of political science, assistant professor
of the chair of international relations, Far Eastern Federal University,
Russia, Vladivostok*

*Статья подготовлена при поддержке гранта Научного фонда
ДВФУ № 14-08-05-1_и «Геополитическая экспертиза трансграничного
взаимодействия стран Северо-Восточной Азии».*

АННОТАЦИЯ

Рассматривается исторический фон современных отношений России со странами Корейского полуострова. Делается вывод о том, что российское общество не имеет исторических причин для претензий к корейцам. КНДР к России относится, в основном, позитивно. Южнокорейское восприятие России во многом сформировано под влиянием японского правления и американского покровительства. Наличие негативного фона приводит к резкой общественной реакции в Южной Корее на спорные ситуации.

ABSTRACT

The article deals with the historical background of modern Russia's relations with the countries of the Korean Peninsula. The conclusion is that Russian society has no historical reasons for claims against the Koreans. North Korea to Russia is mostly positive. South Korea's perception of Russia is

largely formed under the influence of Japanese rule and the American patronage. The presence of negative background leads to a sharp public reaction in South Korea on disputes.

Ключевые слова: Россия; Корея; международные отношения.

Keywords: Russia; Korea; international relations.

Современные отношения России и Кореи имеют определенный исторический фон, который, впрочем, известен в обеих странах немногим, поскольку в массовом сознании он заслоняется стереотипами о более значимых исторических союзниках и противниках.

Первые контакты русских и корейцев относятся к противостоянию Московского царства и Цинов в XVII веке. Корея как цинский вассал отправляла свои отряды в составе маньчжурского войска на Амур. Корейские историки утверждают, что добиться победы маньчжурам удалось исключительно благодаря участию корейцев и что этой победой был поставлен заслон российскому проникновению в Восточную Азию [6, с. 212].

Цины старались полностью пресечь контакты между русской миссией в Пекине и корейскими торговцами и дипломатами. Близкое знакомство русских с корейцами началось в середине XIX века, когда адмирал Путятин, изначально направленный со своей эскадрой в Японию, проявил инициативу и обследовал восточное побережье Кореи, а также направил письмо корейскому правительству с предложением установить торговые связи с Россией. Правда, реализация идеи Путагина растянулась на долгие десятилетия.

В 1884 г. в Сеуле был подписан договор о дружбе и торговле между Российской империей и королевством Корея, с которого начались их официальные политические отношения. С формальной точки зрения это был неравноправный договор, типичный для отношений между западными и восточноазиатскими державами в XIX веке, однако геополитическая обстановка сложилась таким образом, что России было выгодно поддерживать Корею как самостоятельного игрока в международной политике на Дальнем Востоке.

На два десятилетия Корея стала ареной для конкуренции России, Японии, Китая и Англии. В Корее сформировалась сильная пророссийская партия, которой сочувствовали король Коджон и королева Мин. После убийства королевы Мин в 1895 г. русская сторона представила доказательства о японском участии в данном заговоре, а Коджон более года скрывался в русской миссии. Лидер пророссийской партии, один из ведущих политиков тогдашней Кореи Ли Бомджин был назначен первым корейским посланником в Санкт-

Санкт-Петербурге. После заключения в 1905 г. корейско-японского договора о протекторате все корейские дипломаты были отозваны из своих миссий, но Ли Бомджин остался в Санкт-Петербурге и пытался обеспечить поддержку России корейскому национальному движению [5]. В 1911 г., в знак протеста против полной аннексии Японией Кореи, Ли Бомджин совершил самоубийство, которое произвело в корейском обществе огромный резонанс и стало столь важным элементом национальной памяти, что президент Южной Кореи Ли Мён Бак, будучи с визитом в Санкт-Петербурге в 2011 г., возложил на могилу цветы.

На фоне установления политических и экономических отношений развернулась массовая миграция из Кореи в Россию, обусловленная, прежде всего, бедностью и голодом корейских крестьян. В конце XIX века в целях упорядочения управления царская администрация создала для корейцев специальную административную единицу, куда вошли 22 из 32-х корейских деревень в Приморье, с корейским старшиной во главе. Кроме этого, существовала корейская слобода во Владивостоке. Корейцы активно занимались различными ремеслами и торговлей, но особенно ценились русской администрацией за успехи в сельском хозяйстве.

Компактное расселение и в целом дружественная позиция России к корейцам привели к тому, что на территории Приморья обосновалась большая часть командиров антияпонского движения Ёйбён. В Приморье создавались корейские школы, церкви и вооруженные отряды. Япония требовала от России запретить подобные действия корейцев. Царское правительство, заинтересованное в стабильности после поражения в русско-японской войне, дало указание не допускать явной антияпонской агитации и выступлений, но на тайную деятельность корейцев в Приморье фактически закрыло глаза. Общественную и культурную жизнь Кореи японцы поставили под свой полный контроль и начали формировать образ России как врага и варвара [1].

В период Гражданской войны некоторые активисты корейской общины в Приморье поддержали большевиков; во всяком случае, местные корейцы не испытывали восторга от японской оккупации. После утверждения власти большевиков корейцы проявили к ним лояльность и продолжали жить национальными общинами. В условиях обострения международной обстановки накануне Второй мировой войны советское правительство приняло решение о переселении корейцев в Среднюю Азию, опасаясь того, что ядро корейской нации находится под суверенитетом Японии. При этом, в отличие от последующих этнических депортаций военного периода, данное решение разъяснялось лидерам общины, само переселение

происходило достаточно организованно, корейцам оказывалась помощь в обустройстве на новом месте.

Во время Второй мировой войны около Хабаровска производилась подготовка отрядов корейских коммунистов, с прицелом на взятие власти в Корее после разгрома Японии. Япония, контролировавшая в этот период южную часть Сахалина, интенсивно привлекала туда на работу корейских бедняков из южных районов Кореи. После победы над Японией советская администрация долго не могла решить, что делать с корейской общиной на Сахалине. В итоге корейцы, в основном, остались жить и работать в тех местах, где их застала советская армия, постепенно интегрировались в советские реалии и русифицировались. К моменту распада СССР на его территории проживало примерно 600 тысяч корейцев [3, с. 34].

Хотя СССР поддерживал коммунистическую партию в Корейской войне 1950–1953 гг., КНДР всегда была для Москвы равноправным союзником, сложным партнером по переговорам. Идеология чужде подчеркивала самостоятельность и уникальность корейского пути развития, опиралась на традиционные тезисы корейского конфуцианства и брала из марксизма лишь то, что им не противоречило. В конфликте Хрущева и Мао КНДР поддержала Москву и получила за это широкую помощь как в гражданском, так и в военном строительстве, накопив долги примерно на 10 млрд. долл.

С Южной Кореей СССР не поддерживал официальных отношений и не признавал суверенность сеульского режима. Советское руководство запрещало контактировать даже своим дипломатам с южнокорейскими коллегами. На советских картах территория Кореи закрашивалась одним цветом, с указанием демаркационной линии, подразумевая, что когда-нибудь Пхеньян возьмет власть над всем полуостровом. Южнокорейские военные диктаторы изображались в советской пропаганде сугубо как милитаристы и американские марионетки. Южнокорейская интеллигенция имела некоторое представление о русской культуре через японские переводы, а в 60–70-е в самой Южной Корее стали создаваться кафедры русского языка, издаваться произведения русской литературы на корейском языке [4, с. 128–130]. Чрезвычайно ухудшил восприятие СССР инцидент, в результате которого в 1983 г. в воздушном пространстве СССР был сбит «Боинг-747» южнокорейской авиакомпании.

В период перестройки Михаил Горбачев обратил внимание на потенциал отношений с Южной Кореей. Олимпиада в Сеуле 1988 г. стала удобным поводом для установления дипломатических отношений. Напротив, стареющий Ким Ир Сен на фоне кризиса мирового социалистического лагеря ещё сильнее держался ценностей чужде, и Горбачев общался с ним сугубо формально.

В целом история взаимных отношений не дает российскому обществу какие-либо основания для претензий к корейцам (как южным, так и северным), в то время как южнокорейское восприятие России во многом сформировано под влиянием японского правления и американского покровительства в XX веке. Южнокорейские историки исходят из того, что Россия со времени первых контактов представляла опасность для Кореи, посягала на ее территорию и природные богатства [7]. До сих пор в Южной Корее неофициально обсуждается законность суверенитета России над крохотным островком в устье пограничной реки Туманган. Также южнокорейские историки усиленно доказывают весьма дискуссионный тезис о том, что средневековые народы нынешнего Приморья и Хэйлуңцзяна были этническими родственниками древних корейцев.

Наличие негативного фона приводит к резкой общественной реакции Кореи на спорные ситуации. Например, огромный резонанс там вызвало присуждение победы российской фигуристке на Олимпиаде в Сочи-2014, в ущерб южнокорейской спортсменке, причем корейцы обвиняли в сговоре российских и американских судей. Конькобежец Виктор Ан, сменивший гражданство с южнокорейского на российское, своими победами в Сочи и уважительным отношением к российским государственным символам снискал в России популярность, но в самой Корее полностью игнорируется.

Список литературы:

1. Воронкова И.Е. Корея и русско-японские отношения в начале XX в. // Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 12. – С. 54–58.
2. Григораш И.В. Российско-корейский договор 1884 г. о дружбе и торговле // Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 6. – С. 127–139.
3. Ён Сонг Хым. Россия и Республика Корея: взгляд из Сеула // Международная жизнь. – 2012. – № 3. – С. 34–48.
4. Ивашенцов Глеб. За надолбами 38-й параллели. Впечатления и размышления Посла России в Южной Корее. – СПб.: Русская культура, 2012. – 184 с.
5. Пак Б. Корейский посланник в России Ли Бомджин // Восток. Афро-азиатские общества: История и современность. – 2002. – № 4. – С. 25–33.
6. Пастухов А.М. Миф о военной угрозе Корее со стороны России в ранний период русско-корейских отношений (1649–1659) // Корейский полуостров и вызовы глобализации. – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2006. – С. 208–220.
7. Симбирцева Т.М. Русско-корейские «Правила для сухопутной торговли» 1888 г.: оценки южнокорейской историографии и факты // Проблемы Дальнего Востока. – 2003. – № 4. – С. 147–157.

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ

Писарчик Татьяна Петровна

*канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии
Оренбургского государственного университета,
РФ, г. Оренбург*

Астраханцев Владимир Дмитриевич

*студент 4 курса кафедры философии и культурологии
факультета гуманитарных и социальных наук
Оренбургского государственного университета,
РФ, г. Оренбург
E-mail: asvladimir93@mail.ru*

SOCIAL-ETHICAL PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF E-HEALTH IN RUSSIA

Tatyana Pisarchik

*candidate of Philosophical Sciences, Associate professor of philosophy and
culture studies, Orenburg State University,
Russia, Orenburg*

Vladimir Astrakhantsev

*student 4 course, Orenburg State University,
Russia, Orenburg*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу философских, в частности, социально-этических проблем, связанных с разработкой и развитием электронного здравоохранения в России. Рассматриваются плюсы и минусы влияния движения «e-Health» на различные компоненты здравоохранения. Авторы приходят к выводу, что развитие электронного здравоохранения в России отстает от развития на Западе, но база для качественной работы в стране существует.

ABSTRACT

The article is dedicated to the analysis of the philosophical, social-ethical problems of creation and development of the e-Health in Russia. The authors discuss advantages and disadvantages of the e-Health effect on different constituent elements of the system of health service. Authors think that the development of the e-Health in Russia is worse than in the West, but there is an essential base for normal work in the country.

Ключевые слова: Электронное здоровье; гаджеты; личность.

Keywords: e-Health; gadgets; personality.

За последние полтора десятка лет, которые накопил XXI век, электронные технологии сделали огромный шаг в своем развитии. Новые помощники (гаджеты) стали неотъемлемой частью жизни человека. На сегодняшний день мы не можем себя представить без телефона, ноутбука и других приспособлений. Человек – существо социальное, но социализация реальная превратилась в виртуальную. Такая волна наплыва технологий повлияла и на медицину: в современном обществе появилось понятие «электронное здравоохранение» (e-Health). В нынешнее время идея привлекла внимание многих специалистов: с технической стороны к этой теме подходит руководитель Дирекции мониторинга развития информационного общества Института развития информационного общества С.Б. Шапошник. Об использовании ИКТ в системе здравоохранения пишут генеральный директор ЗАО «Автоматизированные информационные комплексы» Г.Я. Илюшин и генеральный директор Института развития информационного общества Т.В. Ершова. Также эта тема интересует философов. Например, в философском плане ее рассматривает *доцент кафедры биоэтики* Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова, *доктор философских наук Е.Г. Гребенщикова*.

Системы электронного здравоохранения необходимы для всестороннего развития медицины. Уменьшается себестоимость

медицинского лечения за счет упразднения дополнительных обследований, происходит экономия горюче-смазочных материалов как следствие сокращения количества экипажей скорой помощи, поскольку часть вызовов может обслуживаться дистанционно. Совершенствуется сама система организации оказания медицинской помощи. Например, реанимационная помощь становится эффективнее за счет консультирования пациента врачом-оператором до прибытия экипажа, а маячок мобильного устройства поможет водителю сократить время поиска нужного адреса. Системы электронного здравоохранения помогают решать социальные проблемы в области оказания медицинской помощи. Появляется возможность проводить медицинские консультации в труднодоступных районах (глухая деревушка, геологическая экспедиция). Системы электронного здравоохранения проявляют свою эффективность для пожилых людей, инвалидов и людей с хроническими заболеваниями. К тому же доклиническая регистрация и консультация врачом он-лайн до приезда врачей даст возможность оказания незамедлительной помощи. Уделение внимания внедрению данного механизма является косвенным свидетельством повышения субъективной ценности человеческой жизни. Это будет являться новым этапом развития гуманизма в здравоохранении.

Еще одним плюсом электронного здравоохранения является его доступность и внедряемость. Массовость медицины появилась только в XX веке. Стали распространяться больницы и поликлиники, однако, качественное и внеочередное обследование получали люди, имеющие «связи» в лицах работников данной структуры. «На протяжении столетий медицинская помощь была привилегией состоятельных слоев населения» [1]. Сейчас гаджет есть под рукой почти у каждого гражданина Российской Федерации, а связь проводится даже в самые отдаленные районы. Таким образом, e-Health является необходимым помощником для современных систем здравоохранения. Появляются прекрасные перспективы консультирования лучшими врачами любого пациента независимо от его местоположения и оказания помощи пациентам, не имеющим возможности посетить врача лично.

Но развитие системы электронного здравоохранения имеет и свои минусы. «Существенное отставание Москвы от ЕС по глубине и разнообразию использования ИКТ в профессиональной деятельности и быту, отставание в развитии интернета требуют обратить внимание на ряд проблем делового климата и человеческого капитала, со всей очевидностью проявившихся в результатах мониторинга» [6]. Многие гаджеты до сих пор не находятся в приемлемой ценовой линейке,

существует проблема интерфейса: требуется правильное и длительное обучение пациентов системам e-Health, также требуются огромные материальные средства для создания архива с электронными медицинскими картами. И все же есть уверенность, что технические, экономические и организационные проблемы такого здравоохранения вполне решаемы, если не сейчас, то в недалеком будущем. Что же касается социально-этических и гуманистических проблем, то их решение не представляется таким уж простым. Так, например, традиционно медицинская этика предполагает необходимость тесного контакта и основанного на взаимном доверии сотрудничества между врачом и пациентом. Такая атмосфера сама по себе имеет особый психотерапевтический эффект, но главное здесь то, что врач обязан сделать все от него зависящее для обеспечения этого контакта, а пациент вправе рассчитывать на гуманное и добросердечное отношение к нему со стороны врача. Обязательным условием такого контакта является восприятие больного как целостной уникальной личности, что выражается максимой (этическим принципом): «Лечить больного, а не болезнь». Развитие электронных технологий, обеспечивая дистанционное консультирование и лечение, затрудняют непосредственный контакт между врачом и пациентом. Однако возрастающая техническая оснащенность медицины не должна заставить нас забыть об уважении личности пациента, что остается основой медицинской этики. Таким образом, требуется следить за минимизацией упомянутых проблем и осуществлять пути возможного развития в диалоге программа – пациент.

Первоочередное предназначение медицины – сохранение здоровья и продление жизни каждому человеку. В современном гражданском обществе каждый имеет право на предупреждение и лечение болезней, на профилактические процедуры, на медицинскую помощь. «Гуманистическая сущность медицины заключается, прежде всего, в том, что вся деятельность врача и возможности применения им новейших достижений науки и техники регламентируются их этической оценкой» [2, с. 182].

Развитие электронных систем здравоохранения в России уже дало некоторые результаты. В апреле этого года в Пскове правительственная комиссия провела заседание по развитию электронного здравоохранения и использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности в рамках программы «Информатизация здравоохранения». Участники совещания обсудили развитие Единой государственной информационной системы в сфере

здравоохранения (ЕГИСЗ). По результатам программы в каждое учреждение должно быть закуплено и смонтировано специализированное оборудование, каждому из этих учреждений должен быть обеспечен доступ в интернет. «Ведётся работа по созданию автоматизированных рабочих мест для врачей и среднего медицинского персонала. Также в рамках программы в лечебных учреждениях появилась система электронной записи к врачу. За прошлый год в Псковской области ей воспользовались 1,2 миллиона раз» [4]. Кроме того, следует помнить, что современная Россия – гражданское общество, в котором не должны быть ущемлены никакие права ни одного человека. И каждый гражданин РФ имеет право на медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ), поэтому, системы e-Health должны служить, в первую очередь, человеку и его здоровью, а не коммерческой выгоде кого-либо. В процессе развития этих технологий придется учитывать то, что в случае производственного брака этих систем мы получим не деталь, которую можно переплавить или утилизировать, а неправильный диагноз или рецепт, создающий угрозу для здоровья или жизни пациента. Также электронное здравоохранение не должно быть элитарным. Только массовость может помочь медицине правильно и эффективно выполнять свою гуманистическую обязанность.

Кроме этого, руководитель Дирекции мониторинга развития информационного общества Института развития информационного общества С.Б. Шапошник ставит ряд задач, которые, по его мнению, должны быть решены «в интересах реализации национальных проектов или в рамках системы мониторинга развития информационного общества в России» [5]. Однако, по его словам, «ни одна из этих задач на федеральном уровне в России пока не решена и официально даже не поставлена» [5]. Согласно Г.Я. Илюшину и Т.В. Ершовой «в российском интернете не реализованы пока он-лайн ресурсы (базы данных и экспертные системы), обращение к которым в режиме он-лайн способно существенно помочь врачу в постановке диагноза или назначении лечения. Однако американский и европейский опыт показывает реальность реализации даже очень сложных подобных проектов» [3]. Тем не менее, они же отмечают список доступных на сегодняшний день интернет-ресурсов, ориентированных на медицинских профессионалов столицы: «он-лайн справочники и каталоги для врачей; информационные проекты крупных медицинских исследовательских центров и профессиональных ассоциаций; тематические проекты для медицинских профессионалов; сайты компаний медицинского профиля, ассоциаций и некоммерческих организаций;

удаленные сервисы для профессионалов; системы бронирования и заказа, торговые площадки, тендеры на закупки» [3].

Таким образом, проблематика электронного здравоохранения существует, и уровень развития и внедрения e-Health в нашей стране отстает от западных разработок в данной сфере. Однако в нашей стране имеется огромная база для развития этой области. Главное, при внедрении данных технологий в систему здравоохранения нужно помнить о гуманистических принципах, при которых главное – не потерять значимость личности, для которой и внедряются принципы e-Health. В России в настоящее время системы электронного здравоохранения интенсивно развиваются, граждане стараются быть осведомлены о возможности упрощения прохождения медицинских процедур, что положительно влияет на внедрение ИКТ в здравоохранение и, соответственно, на здоровье людей в целом.

Список литературы:

1. Биоэтический форум [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.bioethics.ru/forum/viewtopic.php?t=5> (дата обращения: 22.10.15).
2. Блохин Н.Н. Проблема человека в современной медицине / Н.Н. Блохин, Н.П. Бочков, Г.Х. Шингаров // Философия и социология науки и техники под общей редакцией И.Т. Фролова. – М.: Наука, 1985. – 182 с.
3. Илюшин Г.Я., Ершова Т.В. Использование ИКТ в здравоохранении [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/5c40d0284ae15721c3257157004bad15> (дата обращения: 04.11.15).
4. Новости. Реализацию программы «Информатизация здравоохранения» обсудили в Псковской области [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://portal.egisz.rosminzdrav.ru/news/55> (дата обращения: 29.10.15).
5. Шапошник С.Б. Мониторинг развития электронного здравоохранения: европейский опыт и постановка задачи для России [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/4a9ec399adeae6a9c32572990044ae00> (дата обращения: 02.11.15).
6. Шапошник С.Б., Хохлов Ю.Е. Мониторинг движения Москвы к информационному обществу: характеристика подхода и первые результаты [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/bc53f74324e32827c3257157004932c9> (дата обращения: 04.11.15).

3.2. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Кладова Ирина Сергеевна

*учитель английского языка ,
Муниципальное автономное общеобразовательное учреждение
средняя общеобразовательная школа № 8,
РФ, г. Березники,
аспирант (соискатель) степени канд. пед. наук
при Уральском государственном педагогическом университете
РФ, г. Екатеринбург
E-mail: ixkrinka@yandex.ru*

UNIVERSALITY AS A CONDITION OF FORMATION OF THE PERSON'S INFORMATION AND COMMUNICATION CULTURE

Irina Kladova

*teacher of English ,
Municipal Autonomous educational institution Secondary school № 8,
Russia, Berezniki,
doctoral candidate in Pedagogies, the Ural state pedagogical University
Russia, Yekaterinburg*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам дифференциации понимания в современном обществе теоретических аспектов информационно-коммуникационной культуры личности. Данный подкаст культуры рассматривается через призму аксиологического подхода и развития современной картины мира культуры личности на основе ценностно-смысловой направленности. Автором выделены специфические универсалии информационно-коммуникационной культуры и их функции. Коммуникация представлена как универсальная

категория информационно-коммуникационной культуры личности, а универсальность как условие её формирования.

ABSTRACT

The article is devoted to the differentiation of understanding in modern society of theoretical aspects of person's information and communication culture. This type of culture is viewed through the prism of axiological approach and development of modern world culture on the basis of value-semantic orientation. The author highlights specific universal properties of information and communication culture and their functions. Communication is presented as a universal category of information and communication of the cultural identity and universality as a condition of its formation.

Ключевые слова: информационно-коммуникационной культура личности, аксиогенный подход; ценностно-смысловая направленность; универсальность; универсальные категории.

Keywords: information and communication culture; axiological approach; value-semantic orientation; universality; universal categories.

Одним из условий инновационной парадигмы современного образования становится его универсальный характер. Универсализм проникает во все области научного знания и рассматривается сегодня исследователями как неоспоримое условие формирования значимых характеристик личности: профессиональных, социальных, культурных, образовательных, коммуникативных и т.п. В наши дни одна из важнейших целей образования как феномена культуры – это осознание ценностей, помощь в понимании сущности ценностного отношения к процессу познания; определение ведущих и целесообразных положений в информационно-коммуникационном взаимодействии и информационно-коммуникационном пространстве.

Информационно-коммуникационная культура и информационная компетентность в современном социуме является безусловной характеристикой общей культуры человека и необходимым условием его саморазвития. Информационная культура личности – является сложной составляющей её уровня, которая регулирует совокупность гуманистических идей, ценностно-смысловых установок, собственных взглядов и характеристик личности. Она проявляется в воплощении универсальных способов познания, взаимодействия, взаимоотношений, активности в информационной среде и определяет всеобщую готовность человека к освоению нового порядка жизни на информационной основе. В связи с возросшей долей информации в структуре практически любого вида деятельности человека, развитие

информационно-коммуникационной культуры личности представляет задачу генеральной важности.

При изучении феномена информационно-коммуникационной культуры личности бросается в глаза существующее противоречие – понятие «информационно-коммуникационная культура» широко используется в научных статьях, диссертационных исследованиях, которые касаются образования, однако, само понятие информационно-коммуникационной культуры не имеет в науке однозначного концепта и категориального аппарата.

Таким образом, мы постараемся приблизиться к пониманию самого феномена, его категорий, признаков, разобраться в противоречиях и объяснить его универсальный характер.

Ядром феномена информационно-коммуникационной культуры, очевидно, являются три понятия: культура, информация, коммуникация. Представленные категории, безусловно, социально значимы, так как внутри этих процессов находится человеческая личность. Вместе с этим, именно человек представляется обладателем, держателем и приемником культуры.

Движение информационно-коммуникационной культуры в сторону развития вне коммуникации не представляется возможным. Более того, коммуникация – есть аксиогенный процесс с целью обмена информацией и развития современной картины мира культуры, ценностно-смысловая направленность которой является обязательной характеристикой теоретических аспектов феномена.

Информационно-коммуникационная культура наряду с процессами взаимодействия в человеческом обществе коммуникативна по сути. Рождение новых средств и способов коммуникации всегда вызвано необходимостью развития социума, свежими проявлениями креативности и индивидуальности человека. Одновременно все это является резонным проявлением изменения содержания культуры её ценностей и универсалий.

Универсалии культуры являются вечными постоянными человеческого существования основополагающими аспектами картины мира. В своей работе «Универсализм как парадигма философии: прошлое и перспектива» В.Е. Гарпушкин отмечает, что в современной науке предлагается систематизировать универсалии по субъект-объектному принципу, согласно которому к объектному ряду относятся мир, целое, причина, изменение и т. п.; к субъектному ряду – человек, честь, справедливость, счастье и т. п., к субъект-объектному ряду – познание, истина, деятельность и т. п. Их содержание специфицируется в различных традициях, выражаясь в характерных для этих традициях системах

символов и дискурсивных практиках(3,99). Из этого следует, что информационно-коммуникационная культура, проявляясь в деятельности личности, относится к последнему ряду.

Информационно-коммуникационная культура личности формируется в универсуме информационного пространства, которое ассимилируется в общении, языке, ценностных установках и является своего рода универсумом и одновременно, необходимым условием её формирования. Сегодня процесс универсализации информационно-коммуникационной культуры личности обретает характеристику глобальности, при этом ей не свойственна линейность и плоскостная детерминация. Универсализации как процессу присущи такие признаки как подвижность, непредсказуемость и существование полярных теорий. Сторонники универсализма как некоей мировоззренческой установки заинтересованы в «объединении культур», в возможности выработать некие условия этого процесса.

В XX веке информационно-коммуникационная культура стала аккумулировать все, с чем связана деятельность человека и превратилась в феномен общечеловеческого универсума, как следствие, является определенным критерием уровня общей универсальной культуры личности. В ракурсе своего ценностно-смыслового вектора анализируемый феномен отражается в человеческой практике.

Глобализации, в которую погружен весь современный мир, характерно взаимопроникновение глобального и локального (личного), задающего индивиду специфические ориентиры. Современный человек становится свидетелем рождения универсального сознания, которое предполагает развитие такого новообразования культуры как «всечеловечность».

Таким образом, универсальность сегодня становится условием формирования культуры отдельной личности и общества одновременно, то есть мы можем говорить о новом типе универсализма, который реализуется в парадигме «глобальное-личное». Современная личность предстает как типичный носитель своей национальной культуры, адаптированная к межкультурному пространству. Таким образом, универсальность трансформируется в неизбежное условие формирования личности и её культуры.

Язык является универсальным и неотъемлемым условием проявления и формирования информационно-коммуникационной культуры. В данном контексте, язык понимается и как инструмент общения и передачи информации, и как особое пространство-универсум, в который погружена личность. Именно язык является универсальным условием социального взаимодействия. Соответ-

ственно, любая личность должна обладать коммуникативными компетенциями. Исследования отношений триединства личности, культуры и языка всегда концентрировалось вокруг деятельности людей и способов их общения. Интересно, что уже в ранних работах, посвященных этой проблеме, философы отмечали взаимозависимость языка и важность познания через «языковое мировидение» картины мира. Картина мира естественно отражается в знаковых и семиотических системах, важнейшей из которых выступает язык.

Таким образом, информационно-коммуникационная культура личности может быть определена как одна из составляющих общей культуры человека; совокупность его информационно-коммуникативной направленности и системы знаний и умений, обуславливающих творческую деятельность субъекта по оптимальному удовлетворению индивидуальных информационно-коммуникативных потребностей и задающих диалоговое взаимодействие в культурном пространстве.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать факт наличия такого аспекта информационно-коммуникационной культуры, как универсальность, который проявляется в характеристиках универсалий рассматриваемого феномена и их специфических функциях:

1. в структурообразовании и сепарации социального опыта, в регулировании процедуры его передачи внутри общества;
2. в обеспечении основополагающих образований человеческого сознания и их коннотаций;
3. в образовании и формировании картины мира – организации ценностей, их анализа и чувственного переживания миробытия человеком.

Если эти функций реализуются, тогда сущности универсалий культуры одобряются человеком, превращаясь в его внутренние установки, определяя мотивы его поступков и акций. Это является маркером того, что в ранге смыслов можно выделить уровень всеобщего, представленного смыслами универсалий культуры социума, и индивидуального сознания. На индивидуальном уровне смыслы универсалий культуры могут изменяться с учетом групповых и индивидуальных ценностей. Причем в стабильных состояниях социальной жизни универсалии культуры могут допускать очень широкий спектр конкретизации, дополняться ценностями противоположных по интересам социальных групп, не утрачивая при этом своих основных смыслов.

Смыслы всеобщего уровня видоизменяются в сознании каждого отдельного человека под влиянием жизненного опыта, поэтому на уровне индивидуального сознания картина мира обретает

личностную окраску, которая может проявляться в модификации смыслов в течение жизни.

Изменения личностных мировоззренческих установок могут стать причиной появления и развития новых основополагающих смыслов универсалий культуры только при условии, что большинство людей в социуме начинают понимать и принимать их. Необходимо заметить, что изменение основополагающих смыслов универсалий культуры неоспоримо связано с критическими этапами в человеческой истории, когда традиционные смыслы универсалий культуры утрачивают функцию мировоззренческих ориентиров для массового сознания. В этом случае смыслы культуры начинают переосмысливаться, и общество интенсивно занимается поиском новых жизненных смыслов и ценностей.

Неоспоримым является тот факт, что общение является приоритетным в ряде всех универсалий информационно-коммуникационной культуры личности. Связь между общением и системой отношений человека нераздельны: отношения, которые складываются между субъектами взаимодействия, формируются и проявляются в общении и влияют на многие его характеристики; а разновидности коммуникации, в свою очередь, являются реализацией всей системы отношений личности, они формируют личность и соответственно развивают ее в координатной информационно-коммуникационной плоскости.

Глобализации, в которую погружен весь современный мир, характерно взаимопроникновение глобального и локального (личного), задающего индивиду специфические ориентиры. Современный человек становится свидетелем рождения универсального сознания, которое предполагает развитие такого новообразования как «всечеловечность». Таким образом, в нашем мире универсальность становится условием формирования культуры отдельной личности и общества одновременно, то есть в наши дни мы можем говорить о новом типе универсализма, который реализуется в парадигме «глобальное-личное».

В наши дни взаимопроникновение культур и универсальность превращается в условие развития духовных, интеллектуальных, эмоциональных характеристик личности. Таким образом, универсальность трансформируется в неизбежное условие формирования личности и её культуры.

Информационно-коммуникационная культура личности может быть детерминирована как составляющая общей культуры личности,

проявляющаяся в среде взаимодействия людей в универсальном культурном пространстве.

Информационно-коммуникационная культура представляет собой подкаст общей культуры личности. Личность развивается внутри глобального информационного пространства, в которое погружен человек. Основными идентификаторами информационно-коммуникационной культуры личности являются: уровень развития коммуникативных навыков, владение языком, ценностные установки, владение различными средствами коммуникации и т. п. Это пространство является своего рода универсумом, охватывающим всё человечество, выполняющим определенные важные функции и задающим ценностные ориентиры и регулятивы культуры. В связи с тем, что все характеристики культуры представляют собой всеобъемлющие понятия, универсальность информационно-коммуникационной культуры сегодня становится условием формирования личности и приобретает качество всечеловечности.

Список литературы:

1. Буряк Н.Ю., Язык и личность в контексте информационно-коммуникационной культуры//Теория и практика общественного развития – № 5, – 2011 год, – с. 119–121.
2. Гарпушкин В.Е., Универсализм как парадигма философии: прошлое и перспектива//Философия и общество – № 2, – 2008 год, – с. 90–140.
3. Гинзбург М.Е., Универсальность как социальная характеристика выпускника вуза: социологический анализ, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук, Екатеринбург, 2005 год.
4. Егоров В.К., Глобализация и культурное разнообразие // Культурное разнообразие, развитие и глобализация М., 2003. – С. 18.
5. Кондаков И.В., Самосознание культуры на рубеже тысячелетий // Общественные науки и современность – № 4, – 2001 год, – С. 138–147.
6. Межуев В.М. Классическая модель культуры: проблема культуры в философии Нового времени. // Культура: теории и проблемы. М., 1995. – С. 37.
7. Моисеева А.П., учебное пособие: Основы теории коммуникации, Томский политехнический университет, 2004 год.
8. Соколов А.В. Философия информации: Проф.-мировозвр. учеб. пособие /С.-Петербург. гос. ун-т. культуры и искусств. – СПб.: СПбГУКИ, 2010. – 368 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ЭТНОЛОГИЯ

ГОСТЕВАЯ ТРАПЕЗА СЕЛЬСКИХ КЫРГЫЗОВ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Куттубекова Венера Мамбеталиевна
старший преподаватель кафедры «Философия и социальные науки»,
Кыргызский государственный технический университет
им. И. Раззакова
Кыргызская Республика, г. Бишкек
E-mail: Kuttubekova1971@mail.ru

GUEST MEAL IN RURAL KYRGYS SOVIET TIMES

Venera Kuttubekova
senior lecturer of Department of Philosophy and social sciences,
Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakova,
Kyrgyz Republic, Bishkek

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется развитие системы питания кыргызов в советский период. На основе личных полевых этнографических материалов автор раскрывает содержание гостеприимства и типологические особенности гостевой трапезы в среде сельских кыргызов.

ABSTRACT

The article analyzes the development of system of feeding in the Kyrgyz Soviet times. Based on personal field ethnographic materials the author reveals the contents the contents of hospitality and typological features of the guest meal in rural Kyrgyz environment.

Ключевые слова: трапеза; классификация; типы пищи; гостевая трапеза; система питания; внутриэтнические и межэтнические контакты.

Keywords: meal (repast); classification; types of food; System of feeding; guest meal; of intra and inter-ethnic contacts.

В настоящее время различные народные обычаи, традиции и обряды, которые существовали в советское время привлекают все более пристальное внимание ученых нашей республики, не только в силу чисто академического научного интереса, но и желания получить ответ на вопрос «каково было функционирование гостевой трапезы у сельских кыргызов?» в советское время. В современном Кыргызстане в условиях постсоветской модернизации дальнейшее развитие гостевой трапезы в среде сельских кыргызов и формирование современных категорий и принципов гостеприимства среди представителей молодого поколения возникают сложные проблемы при угощении приглашенных и не приглашенных гостей. При решении данной проблемы учитываются несколько видов критериев гостеприимства. Первым, наиболее важным критерием является всестороннее и гармоническое освоение современных этносоциальных, социально-экономических, культурных и этнопсихологических преобразований, которые происходят в нашей стране. Не менее важным критерием считаются межэтнические процессы, которые происходят в среде многонационального населения Кыргызстана (по данным переписи населения 2009 года, в республике проживают представители более 86 наций и народов) и продолжающиеся внутриэтнические процессы между различными территориальными группами кыргызов, влияние общественного питания, которые в основном сосредоточены в городских поселениях. И, наконец, изменение принципов материального мировоззрения сельских кыргызов в отношении традиционной и современной пищи.

Понятие «материальное мировоззрение» современных кыргызов очень широкое, но в нем имеются многочисленные категории, символики и элементы. Среди которых важное место занимает социальное функционирование пищи – приготовление и потребление пищи в повседневном быту и во время проведения гостевых трапез, а также соблюдаемые при этом правила этикета. Правила приема пищи того или иного этноса выделяется исследователями как особый объект изучения в этнографии и этнологии.

В настоящее время в этнографии народов Центральной Азии, в том числе и кыргызов, применяются два различных способа

классификационного анализа пищи [5]. Согласно первому, в качестве классификационной единицы принимается сама пища и её классификационные признаки – назначение и семантика. Собранные нами полевые этнографические материалы [9] выделяют следующие типы пищи: повседневная пища (*үй-булөнүн мүчөлөрү ичүүчү күнүмдүк тамак же оокат*), праздничная пища (*майрамдык тамак же оокат*), похоронно-поминальная пища (*аза күтүү тамагы же оокаты*), свадебная пища (*үйлөнүү тоюндагы ичилүүчү тамак же оокат*), гостевая пища (*коноктор же меймандар үчүн даярдалган тамак*) и т. д. В основу второго аспекта классификации пищи принимается не собственно пища, а трапеза (*тамак ичүү*) как процесс потребления этой пищи [1, с. 14]. Пища, как отмечает армянский этнограф и культуролог И.А. Барсегян, «в реальной жизни выступает в составе трапезы, которая представляет собой конфигурацию компонентов блюд в определенной последовательности и определенном сочетании» [2, с. 237]. Таким образом, трапеза является центром, ядром, а точнее, интегратором всей системы питания той или иной этнической группы. Согласно данной классификации, трапезы делятся: 1) по осмыслению и престижности (повседневные – *күнүмдүк тамак*, ритуальные – *ырымдарга байланышкан тамак*, праздничные – *майрамдарга арналып жасалган тамак*); 2) «по распорядку (утренние – *эртең мененки тамак же саар тамагы*, дневные – *тушку же күндүзгү тамак*, вечерние – *кечки тамак*); 3) по ситуации (домашние – *үйдө ичилүүчү тамак*, полевые – *талаа жумуштарын жасоодо ичилүүчү тамак*, общественные – *үйдө той өткөргөндө же куран окулганда ичилүүчү тамак*, гостевые – *конокторго же меймандарга берилүүчү тамак*).

Принимая вышеуказанные принципы классификации трапез, в системе питания кыргызов в советский период можно выделить два главных типа: домашняя трапеза (*үйдүн мүчөлөрү катышып ичилүүчү тамак*), гостевая трапеза (*конокторго (меймандарга) берилүүчү тамак*) или общественная трапеза (*тойлордо, майрамдарда же куран окулганда ичилүүчү тамак*) [10]. Основным признаком, по которым выделяются эти типы – содержательно-семантический аспект той или иной трапезы, качественный и количественный состав их участников.

Гостевая трапеза (*конок тамагы же мейман тамагы*), в широком содержательном смысле входит в состав общественной трапезы. Как подчеркивает известный кыргызский этнолог А.С. Кочкунов, «гостевая трапеза является центральным элементом института гостеприимства» и многие его «стороны, в частности статус гостя,

этикет его обслуживания ... освещались нормами обычного права (*адат*) или существовали в качестве обычаев» у кыргызов [6, с. 287].

Согласно нормам обычного гостеприимного права, у кыргызов статус гостя распределялся на два вида – званые или приглашенные (*чакырылган коноктор (меймандар)*) и незваные или неприглашенные случайные (*кудай коноктор, чакырылбаган коноктор (меймандар)*) гости. В состав званых гостей входили близкие родственники (*бир ата, энеден тараган эмчектеш туугандар*) хозяина и хозяйки дома, друзья (*достору, эң жакын шериктери*) и соседи (*кошуналары*), а в состав незваных гостей – случайные попутчики, торговцы, люди, ехавшие по семейным проблемам в дальнюю дорогу и т. д.

Гостевая трапеза сельских кыргызов в основном была связана с проведением таких узких семейных жизненных торжеств, как праздники детского цикла – *жентек той, бешик той, сүннөт той*; праздники при получении аттестата общеобразовательной школы (*аттестат тою*) или диплома средне-специального, высшего учебного заведения (*диплом тою*); проведение семейного торжества среди друзей хозяина дома (*шерине, шерне*); праздник демобилизации из рядов советской армии (*армиядан аман-эсен келгендигине карата өткөрүлгөн той*) и т. д.

В системе питания кыргызов любой вид общественной трапезы обозначается термином «*той*», которое в древности имело значение «пир», «пиршество». В этимологическом значении такое понятие, восходит, очевидно, к древнетюркскому глаголу «*той*» – «наедаться», «насыщаться» [4, с. 572]. Согласно собранным этнографическим материалам, в советское время любой вид гостевой трапезы у кыргызов назывался «*конок той*» или «*мейман той*». Поэтому у кыргызов сформировалось новое адекватное понятие «праздник, это обильная пища или наоборот, обильная пища – это праздник» [11].

В исследуемый период обычай гостеприимства у кыргызов, как общетюркское культурное достояние проходит в своем развитии ряд этапов, соответствующих в целом стадиям развития советского общества. Собранные полевые этнографические материалы показывают о том, что гостеприимство, т. е. гостевая трапеза у кыргызов в советский период подразделялась на три этапа: первый этап в хронологическом отношении охватывает 20–40-е годы XX века и на данном этапе обычай гостеприимства у кыргызов оставался традиционным и был сильно институционализирован; гостеприимство находилось на полупатриархальной стадии развития, когда, согласно А.И. Першицу, распространяется «своего рода культ гостеприимства как одной из высших культурных ценностей», а само гостеприимство

освящено религиозными воззрениями, утрировано, «например, с выдвиганием на первый план обрядовой, этикетной стороны традиции» и возведено в абсолют [8, с. 75–78]. Второй этап охватывает 50–70-е годы прошлого столетия, который характеризуется появлением новых инноваций в системе питания кыргызов, т. е. в систему питания были включены новые виды и типы блюд, которые были неизвестны в ранней стадии строительства советского общества. Появление новых инноваций определено рядом факторов: созданием социально-экономической базы нового строя, появлением ранее неизвестных отраслей промышленности, в частности пищевой, распространением по территории республики челночной миграции и т. д. Третий этап включает в себя 70–90-е годы XX века. Данный этап характеризуется широким развитием разветвленной сети пищевой и торговой промышленности, расширением культурно-экономических связей Кыргызстана с другими соседними республиками, расширением урбанизации, внутринациональной и межэтнической интеграции.

В советский период, особенно в ранней его стадии, у кыргызов появление гостя считалось божьим знамением (*кудай конок, кудай мейман*). Древнетюркское поверье «приходит гость – приходит счастье» (*мейман келсе, кут келер*) сохранилось у кыргызов в форме «приход гостя – счастье» (*меймандын келгени – үйгө бакыттын, жетишерликтин толгону*). У кыргызов, в отличие от соседних оседло-земледельческих народов, например, равнинных узбеков и таджиков, специальных обширных гостевых домов не было. Как и у других тюрко-монгольских народов и этнических групп, любой путник, оказавшийся в чужом *айыле*, мог рассчитывать на ночлег и пищу в первом кыргызском доме. Таких неожиданных гостей называли «*кудай конок, кудайдан келген мейман*» («гость от бога»), что аналогично казахскому «*кудайы кунак*» [7, с. 128], туркменскому «*танры мыхманы*» [3, с. 103].

В 20–50-е годы прошлого столетия любой гость, независимо от его ранга, считался гостем не только одной семьи, где он остановился, но и всего рода в целом, и семья, принявшая гостя, могла рассчитывать на помощь своих родственников. В долинных земледельческих районах Восточной Ферганы, где обычай родовой взаимопомощи сохранялся наиболее прочно, достаточно было пойти к родственникам или соседям и сказать единственную фразу: «пришел гость» («*мейман* или *конок келди*»), чтобы получить мясо или еще какую-нибудь мясную пищу для угощения гостя. Наиболее почетных гостей приглашали из дома в дом, устраивая в их честь обеды, на которых присутствовали близкие взрослые родственники глава

семьи. Согласно обычаю, для особо почетных гостей, если они задерживались на несколько дней ставили отдельную юрту или освобождали одну из жилых комнат стационарного дома. Обычай выделения специальной гостевой комнаты (*конюк (мейман) бөлмөсү*) в доме, где живет семья, свойственный для оседло-земледельческих тюркских народов Центральной Азии, появляется у большинства групп кыргызов в послевоенное время, в процессе перехода многочисленных сельских кыргызов к многокамерному жилищу.

Правило уступать гостям самое почетное в помещении место – *төр*, принятое у местных, т. е. коренных народов Центральной Азии и Поволжья, восходит к этикету средневековых тюрков. Во время большой семейной трапезы гости рассаживались по направлению от почетного места – *төра* к двери по старшинству и обществу статусу. При этом *төр* занимали старейшины (*улуу аксакалдар, жашы жогорулап калган сыйлуу адамдар*) и муллы (*молдолор*).

В гостевой трапезе кыргызов в советский период можно выделить два этнокультурных типа меню: тюркский скотоводческий и иранский земледельческий, различающиеся по классическому набору почетных, обязательных блюд [3, с. 112, 6, с. 296]. Так, основным и центральным элементом меню первого типа являлись отварное мясо (*бышырылган эт*) и кисло-молочные продукты (*ачтымылп бышырылган сүт азыктары*). Особое место уделялось угощение гостей кобыльем молоком, из которого приготавливался *кымыз*. Он был характерен кыргызам, проживающим в высокогорном Тянь-Шане, в Прииссыккулье, в Чуйской, Таласской, Кетмень-Тюбинской долинах и в горных районах южного Кыргызстана (Алайку, Алай, Чон-Алай, Чаткал). Второй тип, основу которого составляли плов (*аш*) и зеленый чай (*көк чай*) со сладостями, был присущ оседло-земледельческим кыргызам, которые проживали в равнинных районах Восточной Ферганы. Его особенно отличало наличие «сладкого стола», который составлял как бы центр гостевой трапезы; именно с него, т. е. с подачи чая и подноса лепешками, изюмом, фисташками, сахаром или наватом, леденцами и другими восточными сладостями начиналось угощение. В других территориальных зонах угощение гостя или гостей начиналось с предложения ему или им кисломолочных напитков – *айрана* или *чалана*. Лишь в долинных земледельческих районах южного Кыргызстана, особенно Араванском, Кара-Суйском, Узгенском, Ноокенском, Базар-Коргонском районах, где попеременно или черезполосно проживали кыргызы и узбеки в повседневное питание прочно вошел зеленый чай (*көк чай*). Любопытно, что подобное

различие между скотоводами и оседлыми земледельцами наблюдалось и в обычае выноса на встречу гостям хлеба-соли, имевшим в Кыргызстане свои особенности. Здесь вместо хлеба-соли использовали обычно какой-нибудь напиток, что, очевидно, связано с климатическими условиями региона, где жажда всегда берет верх над голодом. Так, кыргызы, занимающиеся скотоводством в Тянь-Шаньской, Иссык-Кульской, Чуйской, Кетмень-Тюбинской, Таласской долинах и в горных и предгорных районах южного Кыргызстана (Чон-Алай, Алай, Алайку) подносили гостям молочные напитки (*кымыз* – напиток, сделанный из кобыльего молока, *уй кымыз* – молочный напиток, сделанный из коровьего молока, *айран*, *чалап* – кисло-молочные напитки) или мучные, точнее зерновые напитки (*жарма*, *максым* – напитки, сделанные из толокна ячменя), а земледельцы Восточной Ферганы – зеленый чай (*көк чай*).

У кыргызов, проживающих в горных и предгорных районах Кыргызстана основное угощение, устраиваемое в честь почетного гостя, состоял непременно из мяса. По приходу гостей, обязательно резали барана. Обычай убоя скота в честь гостя, унаследованный от средневековых тюрков, назывался *союш* и соблюдался достаточно неукоснительно всеми членами поселенческого коллектива кыргызов.

Наиболее древний, классический способ подачи гостям отварного мяса в 20–40-е годы XX века сохранился у кыргызов. Зарезать овцу и поставить миску с кусками мяса, сложенными в определенном порядке (*устукандаштырып салуу*), как высшее проявление гостеприимства у кыргызов, лежит всецело в рамках традиционного церемониала приема гостей, общего для всех тюрко-монгольских народов Центральной Азии и Южной Сибири. В эту миску клали самые почетные куски мяса – голову (*баши*), крестец с курдюком (*куймулчак*) и так называемые двенадцать костей (*он эки сыйлуу жилик*). Затем каждый из этих кусков (*устукан*, *үлүш*) распределялся среди гостей согласно их возрасту и рангу.

В земледельческих районах южного Кыргызстана, уже в 20–40-годы прошлого столетия в гостевое меню кыргызов вошли плов (*аш*, *палоо*), чай, фрукты и восточные сладости (халва, патока, леденцы и т.п.), преимущественно в тех районах, которые граничили с оседло-земледельческим ареалом узбеков и таджиков.

Таким образом, гостевая трапеза кыргызов советского периода в целом носила не очень сильно выраженные черты кочевой культуры питания и генетически была близка гостевым трапезам тюркских скотоводческих народов Центральной Азии, Поволжья и Южной Сибири. В то же время гостевые трапезы отдельных оседлых

земледельческих групп кыргызов (особенно родоплеменной группы *ичкилик*ов, проживающих в юго-западных долинных районах южного Кыргызстана), имели много общего с гостевыми трапезами узбеков, таджиков и других оседлых земледельцев Средней Азии, что явилось следствием связей и отношений не только этнокультурного, но и этногенетического характера.

Список литературы:

1. Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания) // Советская этнография. – 1981. – № 4. – 14 с.
2. Барсегян И.А. Трапезы // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). – Ереван: Изд. АН АрмССР, 1983. – С. 235–250.
3. Бердыев М.С. Традиционная система питания туркмен (этнокультурный аспект). – Ашгабат: Ыльым, 1992. – 196 с.
4. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 572 с.
5. Жуковская Н.Л. Пища кочевников Центральной Азии (к вопросу об экологических основах формирования модели пищи) // Советская этнография. – 1979. – № 5; Пахутов А.Е. Связь системы питания монголызычных народов с их хозяйственно-культурным типом // Материальная и духовная культура калмаков. – Элиста: Калм.кн.изд., 1983.
6. Кочкунов А.С. Система питания в период советских трансформаций (опыт анализа соотношений традиций и инноваций) // Кочкунов А.С. Этнические традиции кыргызского народа (социокультурные аспекты и некоторые вопросы генезиса). – Бишкек, 2013. – С. 272–296.
7. Культура и быт казахского колхозного аула. – Алма-Ата: Наука, 1967. – 303 с.
8. Першиц А.И. Традиции и культурно-исторический процесс // Народы Азии и Африки. – 1981. – № 4. – С. 75–78.
9. Полевые материалы автора (далее – ПМА). – Тетрадь (далее – Т) 2. – 2004. – С. 13. село Кара-Ой, Таласский район; ПМА. – Т. 4. – 2006. – С. 26. село Кең-Арал, Бакай-Атинский район; ПМА. – Т. 9. – 2011. – С. 16. село Уч-Булак, Кара-Бууринский район; ПМА. – Т. 5. – 2007. – С. 21. село Сарбулак, Манасский район, Таласская область; ПМА. – Т. 3. – 2005. – С. 16. село Сары-Булак, Жайылский район; ПМА. – Т. 7. – 2009. – С. 19. село Ойронду, Панфиловский район; ПМА. – Т. 10. – 2012. – С. 13. село Онбир-Жылга, Чуйский район; ПМА. – Т. 11. – 2014. – С. 11. село Кароол-Дюбе, Кеминский район, Чуйская область.
10. ПМА. – Т. 5. – 2007. – С. 18, 47. село Жайылган, Манасский район; ПМА. – Т. 9. – 2011. – С. 23. село Шекер, Кара-Бууринский район, Таласская область; ПМА. – Т. 6. – 2008. – С. 42, 68. село Ак-Кашат, Сокулукский район; ПМА. – Т. 8. – 2010. – С. 19, 56. село Эпкин, Исык-Атинский район, Чуйская область.

11. ПМА. – Т. 1. – 2003. – С. 18. село Октябрь, Аламединский район; ПМА. – Т. 3. – 2005. – С. 46. село Ак-Башат, Жайылский район; ПМА. – Т. 8. – 2010. – С. 79. село Сары-Жон, Ысык-Атинский район; ПМА. – Т. 11. – 2014. – С. 57. село Бейшеке, Кеминский район, Чуйская область; ПМА. – Т. 2. – 2004. – С. 59. село Ак-Коргон, Таласский район; ПМА. – Т. 4. – 2006. – С. 74. село Кен-Арал, Бакай-Атинский район; ПМА. – Т. 12. – 2014. – С. 83. село Сулуу-Маймак, Кара-Бууринский район, Таласская область.

4.2. ИСТОРИСОФИЯ

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ИСТОРИСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ П.Я. ЧААДАЕВА

Петько Андрей Андреевич

канд. филос. наук, доцент
Уральского Федерального Университета
РФ, г. Екатеринбург
E-mail: k-29671@planet-a.ru

Петько Ольга Михайловна

канд. ист. наук, зав. кафедрой гуманитарного образования,
доцент Уральского Федерального Университета
РФ, г. Екатеринбург
E-mail: o.m.petko@urfu.ru

QUESTIONS OF NATIONAL IDENTITY IN HISTORIOSOFIC CONCEPTION OF P.YA. CHAADAYEV

Andrey Petko

candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Ural Federal University,
Russia, Ekaterinburg

Olga Petko

candidate of Historical Sciences, Head of Humanitarian Education,
Associate Professor of Ural Federal University,
Russia, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

Целью работы является уточнение вклада П.Я. Чаадаева в решение проблемы культурной идентичности России. На основе анализа оригинальных работ мыслителя и отечественных исследований его творчества решались задачи раскрытия культурно-исторических и концептуальных оснований формирования российской

историософской традиции. С учетом эволюции взглядов и своеобразия языка философа использован метод реконструкции, позволивший предложить расширенную интерпретацию некоторых используемых им понятий, а также ввести дополнительные, присутствующие в его текстах лишь неявным образом. Основным итог работы представлен в реконструированной концептуальной модели российской истории, в которой выражено понимание Чаадаевым ее логики и смысла.

ABSTRACT

The paper aims at specifying the contribution made by P.Y. Caadaev to the solution of the problem of Russia's cultural identity. It addresses the issues of describing cultural, historical and conceptual foundations of establishing Russian historiosophical tradition. Taking into account the evolution of views and the diversity of the philosopher's language, the paper uses the reconstruction procedure allowing to suggest the expanded interpretation of some concepts used by him, and to introduce some additional ones that are only implicitly present in Chaadaev's works. The main outcome of the paper is presented in the form of the reconstructed conceptual model of the Russian history, which expresses Chaadaev's understanding of its logic and sense.

Ключевые слова: самосознание; судьба; личность; социальный организм; историко-культурная традиция; христианоцентризм.

Keywords: self-awareness; destiny; personality; social organism; historical and cultural tradition; Christian-centrism.

Самосознание народа осуществляется в специфических формах, обусловленных особенностями культурно-исторического развития общества. В зависимости от внешних обстоятельств, а также внутреннего состояния общества и степени развитости элементного состава его культуры происходит смена господствующих форм национальной саморефлексии.

Что касается периода первой половины XIX века, то, в интересующем нас плане, он ознаменовался возникновением феномена русской религиозной философии. Именно в русле развития этого направления духовных поисков получены наиболее оригинальные и культурно значимые результаты общенационального характера, в том числе и имеющие отношение к истолкованию смысла и логики российской истории.

Петр Яковлевич Чаадаев занимает особое место в самобытной русской философии. Это место чаще всего обозначают словом основоположник: именно так его характеризуют первые биографы

М.И. Жихарев и Н.Н. Пузанов Один из них утверждает, что Чаадаев является «самым крепким и самым глубоким мыслителем из всех, кого когда-либо рождала русская земля», второй называет его «первым по времени философом истории на Руси». Выдающуюся роль Чаадаева в возникновении феномена русской философии признает, хотя и косвенно, также и Н.О. Лосский. Связывая начало самостоятельной философской мысли в России «с именами Ивана Киреевского и Хомякова» [9, с. 25] и квалифицируя Чаадаева как «западника, отличающегося непостоянством взглядов» [9, с. 68], Н.О. Лосский завершает анализ его взглядов следующим выводом: «Мысли, близкие к мировоззрению славянофилов Чаадаев выразил до того, как последние развили свое учение» [9, с. 72]. Аналогичную оценку значения Чаадаева для русской встречаем и у современных исследователей, связывающих с его именем «первый опыт оригинальной историософии» [11, с. 6].

Чаадаеву суждено было артикулировать и сделать предметом общественного осознания те интуиции, которые питали первые самостоятельные направления общественно-политической мысли России – западничество и славянофильство. Во многом благодаря влиянию Чаадаева в этих направлениях исследовательский интерес смещается в сторону поиска философско-мировоззренческих оснований гражданской позиции человека.

В творческом наследии Чаадаева встречаются высказывания, созвучные как западничеству, так и славянофильству. Но поскольку при жизни автора было опубликовано только несколько отрывков из его сочинений и первое «Философическое письмо», выдержанное в резко критических тонах в отношении России и восторженно-хвалебных тонах в отношении Запада, то за Чаадаевым надолго закрепилась репутация адепта западничества. В связи с публикацией, уже в двадцатом столетии, остальных произведений «басманного философа», значительная часть которых выдержана в духе славянофильства, некоторые исследователи зачисляли его в разряд славянофилов. Возникла проблема противоречивости авторской позиции и, надо сказать, для этого в творчестве Чаадаева содержится достаточно оснований. Прежде всего, – это эпистолярный жанр и свойственный ему характер ситуативного реагирования на проблему; на это справедливо указывал еще В.В. Зеньковский [3, с. 167]. Кроме того, литературный стиль изложения и ослабленная формально-логическая составляющая аргументации имеют своим следствием содержательную неоднозначность некоторых авторских идей. Чаадаев и сам это признавал в письме А.И. Тургеневу: «Я – не из тех, ... кто

подводит все ...под свою теорию, я неоднократно менял свою точку зрения на многое» [16, с. 283].

Кем был на самом деле Чаадаев – западником или славянофилом? В такой постановке проблема носит сугубо абстрактный и потому мнимый характер. Противоречия такого рода легко разрешаются посредством учета двоякого рода обстоятельств. Во-первых, признанием эволюции взглядов как необходимого условия творческого развития мыслителя, и, во-вторых, реконструкцией его концепции в качестве контекста и предельного основания для решения частных вопросов. В этом направлении усилиями отечественных исследователей за последние тридцать лет сделано очень много, и содержательных предпосылок для решения означенного вопроса сегодня вполне достаточно. Что касается общей направленности его разрешения, то для нее характерен акцент на эволюционном аспекте и раскрытии обусловленности изменения взглядов философа социально-историческими факторами. Таким образом обосновывается наличие в учении Чаадаева взаимоисключающих идей: на раннем этапе своего творческого развития он тяготел к западничеству, на позднем – к славянофильству. Большинство исследователей связывают этот поворот с осмыслением Чаадаевым событий июльской революции 1830 года во Франции, получившим отражение в его эпистолярном наследии тридцатых – сороковых годов XIX века. М. Гершензон даже устанавливает точную дату начала поворота – 1833 год – год публикации сочинения Ястребцова, в котором «страницы, посвященные характеристике России, представляют собой изложение мыслей Чаадаева» [2, с. 144] и в то же время являются первым печатным (хотя и анонимным) выражением новой позиции философа.

Такая точка зрения справедлива лишь отчасти, поскольку в ней концептуальный статус учения Чаадаева остается неопределенным. Подспудно как бы напрашивается вывод о том, что по молодости он заблуждался, а в зрелые годы прозрел и тем самым подтвердил истину славянофильства. Думается, что сама исходная установка определить философскую позицию Чаадаева под углом зрения дилеммы «западник-славянофил» является непродуктивной, поскольку, будучи предтечей западничества и славянофильства, он оставался оригинальным мыслителем на всех этапах своего развития. Более того, он решительно возражал против ложных идентификаций в свой адрес.

Справедливости ради, следует заметить, что Гершензон в вопросе об эволюции взглядов Чаадаева занимал весьма тонкую позицию. Он полагал что, несмотря на очевидную разницу идейных ориентаций

Чаадаева до и после 1830-го года, «априорные историко-философские убеждения» его «остались неизменными. Перемены коснулись только частного пункта, каким был его прикладной вывод относительно России» [2, с. 142].

Западником в классическом смысле Чаадаев быть не мог уже хотя бы потому, что был религиозным мыслителем и убежденным монархистом, а в понимании исторического процесса придерживался идей провиденциализма и органической логики. Именно с этих позиций он оценивал оба направления русского западничества. Хорошо известны его афористические высказывания на этот счет, в которых выражено не только несогласие с позициями либералов (либеральных демократов) и социалистов (революционных демократов), но и содержатся идейные основания такого несогласия.

Один из афоризмов, адресованный либералам, гласит: «Русский либерал – бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это – солнце запада» [16, с. 213]. Чаадаев обвиняет либералов в том, что они отрицают органический характер исторического процесса и стремятся механически перенести опыт социально-экономического и духовного развития Запада на российскую почву, то есть сделать Россию «стопроцентной европейской страной», причем в весьма короткие сроки. По мнению Чаадаева, такого рода стремления лишены смысла, а попытки их осуществления имеют двоякий исход: либо механические преобразования захлебнутся и адаптируются национальной органикой, либо генетическая основа социального организма будет разрушена и он погибнет.

Чаадаев считает, что более вероятен первый исход, аналогом которого может служить опыт петровских реформ. Будучи одним из самых образованных людей своего времени, он знал, что впечатляющие результаты реформаторской деятельности Петра I первой четверти XVIII века практически сошли на нет уже к концу столетия. Завершение этого процесса Чаадаев связывает с преодолением идейной зависимости от Запада, поскольку «вторжение западных идей ... парализовало наши силы, извратило все наши прекрасные наклонности, исказило все наши добродетели» [16, с. 299]. В письме А.И. Тургеневу 1835 года он считает это преодоление свершившимся фактом: «Роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава богу, больше не принадлежим Европе» [16, с. 243]. Однако, десятилетие спустя, в письме графу Сиркуру Чаадаев вынужден признать, что эта работа еще продолжается: «Итак, мы должны вернуться назад, должны вернуться в то прошлое, которое вы так злобно похитили у нас... Вот работа,

которой заняты теперь все наши лучшие умы, к которой я присоединяюсь всей душой» [16, с. 299]. Тем не менее, в успешном завершении этого процесса он не сомневается, о чем свидетельствует следующее обращение к адресату: «Если вы, спустя несколько лет навестите нас, вы будете иметь полную возможность налюбоваться плодами нашего попятного развития» [16, с. 299].

Чаадаев не дожидаясь начала второй волны «вестернизации» России, но не сомневался в том, что это случится, а также и в том, что результат будет прежний. Так оно и вышло – либеральные реформы шестидесятых-восьмидесятых годов XIX века завершились контрреформами девяностых. По сути дела Чаадаев вводит идею контрреформы («попятного развития») как закономерности русской истории. Закономерный характер возвратного движения, в ходе которого неизбежно нейтрализуется часть привнесенных в социальный организм изменений, истолковывается им как частный случай действия закона эволюционного развития. Вот что он пишет по этому поводу в отрывке из исторического рассуждения о России: «История народов сызнова не переиначивается», народы «не в силах совершенно отрешиться от своих естественных начал и отправиться с точки совершенно иной» [16, с. 361]. При этом отмечается, что заимствования возможны, но при условии осознанного и дозированного характера его, то есть не надо быть «бессмысленными мошками», а ясно понимать, «что нам подобает заимствовать у Европы и что нам должно остаться чуждым» [16, с. 372].

Не известно, знаком ли был Чаадаев с ранними работами Ч. Дарвина по теории эволюции 1840/1850-х годов, тем не менее, его (Чаадаева) понимание эволюционного развития общества, если не терминологически, то по существу, выдержано вполне в дарвинистском духе. Например, он говорит о наличии у любого общества культурно-исторической традиции или «социального принципа» [16, с. 155], «естества» [16, с. 358], «начала силы и жизненности» [16, с. 367] как основания его самобытной целостности и определяющего фактора развития. Не отрицая влияния внешних факторов на историко-культурную традицию, Чаадаев, тем не менее, убежден в существовании некоей меры ее допустимых изменений, превышение которой чревато гибелью социального организма. С его точки зрения такая угроза возможна, но маловероятна. Конечно, наличие рационально-волевого начала в социальных организмах расширяет границы их произвольного изменения, однако, не следует преуменьшать и степень устойчивости историко-культурной традиции. То, что формировалось веками и пронизало собой все «клеточки»

организма, очень трудно вытравить и заменить новой структурой. Во всяком случае, в рамках эволюционного процесса. По сути дела Чаадаев придерживается принципа самоорганизации как глубинного основания механизмов изменчивости и наследственности и полагает наличие «высшей воли» в судьбах народов.

По поводу другого направления западничества Чаадаев выражается хотя и не столь резко, однако не менее критично: «Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники» [16, с. 178]. Здесь мы не видим прямого и абсолютного отрицания правоты, которое имело место в отношении либералов. Здесь мысль философа обретает глубину и диалектичность, а отрицание обнаруживает момент сохранения. Иными словами, за социалистическими учениями признается относительная правота, но отрицается правота абсолютная.

Чаадаев предчувствует радикальные преобразования в обществе. В 1848 году в письме Ф.И. Тютчеву он отмечает такой рост радикальных настроений в стране, который позволяет говорить о борьбе «между революцией и Россией» [20, с. 339], которая, согласно его христианскому миропониманию, неизбежно обострит исконное противоборство божественного (духовного) и тварного (телесного) начал человеческого существа. В этом случае наиболее вероятным окажется силовое разрешение противоречия; любой из этих вариантов неприемлем для христианского мыслителя, который характеризует «революционное начало, как начало разрушения и крови» [16, с. 379]. Приведенное утверждение продиктовано не стремлением оправдаться перед властью, которая «увидела в Чаадаеве революционера», а логикой тех идей, которыми он «в действительности был близок... де Местру и Бональду» [1, с. 23]. Имеется в виду ряд теоретических положений католических мыслителей, на которые указывал П.Н. Милоков как на исходные предпосылки мировоззрения Чаадаева. Это, во-первых, идеи де Местра о «нации как индивидууме со своим характером и собственной миссией» и о сугубо мирном, естественном («без усилий») осуществлении этой миссии; во-вторых, – это идея Бональда о наличии в России «зататков идеального общественного строя» [2, с. 143; 11, с. 11].

Чаадаев предрекает победу социалистам, потому что их идеи в большей степени созвучны русской историко-культурной традиции, чем идеи либералов. Однако любая победа, даже если это победа наименьшего из зол, не может привести к окончательному разрешению противоречия; такое разрешение возможно лишь на путях

ненасильственной гармонизации телесного и духовного начал в жизни человека и общества.

Очевидная близость взглядов Чаадаева идеям славянофильства не исключает и принципиальных различий этих двух позиций. Имеются в виду разные акценты в отношении способов достижения гармонии в рамках религиозно-философского подхода. Чаадаев исходит из приоритета личностного начала, в то время как славянофилы отдают первенство началу коллективному. Отсюда и различие историософских построений.

Чаадаев, в силу отмеченных ранее особенностей своего философского мышления, «затруднил для читателя уяснение его системы, – ее приходится реконструировать» [7, с. 167], причем иногда приходится это делать без опоры на текст – лишь «исходя из общего смысла его идей» [2, с. 150]. По свидетельству Зеньковского, «это впервые попробовал сделать Гершензон», а продолжил он сам. Опираясь на полученные при этом результаты, попробуем осветить те аспекты исторической концепции Чаадаева, которые связаны с путями созидания в России «благодатной социальности» [7, с. 184].

Как и его французский современник Огюст Конт, Чаадаев недоволен общим состоянием исторической науки. Его претензия в отношении российской историографии формулируется следующим образом: «Мы еще никогда не рассматривали нашу историю с философской точки зрения...Пятьдесят лет назад немецкие ученые открыли наши летописи; потом Карамзин рассказал звучным слогом дела и подвиги наших государей;...таков итог наших трудов по национальной истории...из всего этого мудрено извлечь предчувствие ожидающих нас судеб» [16, с. 155], а без этого «нет ни психологии, ни даже логики: все тьма и бессмыслица» [16, с. 260]. Под «философской точкой зрения» понимается установка на постижение «социального принципа» народной жизни как ее «движущей силы». «История – ключ к пониманию народа» [16, с. 48], а не изображение отдельных событий его жизни. Историческое познание имеет выраженную социальную проекцию, поскольку оно призвано обеспечить народу «ответственное вхождение в историческое действие» [7, с. 184]. Содержанием этого действия является «возможное и необходимое перерождение» [16, с. 69] социального организма в направлении полноты реализации изначально заложенного в нем «принципа».

Общие идеи философского понимания истории изложены Чаадаевым во втором и третьем философических письмах. Прежде всего, – это идея «христоцентризма» [7, с. 182], согласно которой

человеческая история истолковывается как творение Царства Божия на земле под водительством церкви. С этих позиций трактуются вопросы содержания и движущих сил исторического процесса, логики и смысла мировой истории, соотношения в ней провидения и свободы, божественного и тварного начал, раскрывается тайна исторических судеб Запада и Востока и роль выдающихся личностей в обретении народами своего призвания [16, с. 56–78].

В интересующем нас плане хотелось бы обратить особое внимание на отстаиваемую Чаадаевым идею нелинейности мировой истории, которую В.В. Зеньковский сформулировал следующим образом: «Конечно, для Чаадаева есть «всемирная история», но ее суть не в смешении народов в космополитическую смесь, а в раздельной судьбе, в особых путях различных народов – каждый народ есть «нравственная личность» [7, с. 177–178]. Притом имеется в виду историческая природа «нравственной личности», эволюционирующей по пути изживания несовершенных форм своего совершенного содержания и вступления в «область разума предельного» [16, с. 210] в ходе реализации народом своей функции социального «субъекта». Сам Чаадаев формулирует эту идею следующим образом: «Всякий народ несет в себе самом особое начало, которое накладывает отпечаток на его социальную жизнь, которое направляет его путь на протяжении веков и определяет его место среди человечества» [16, с. 190].

В отношении русского народа понимание этого пути Чаадаевым (наиболее обобщенно и при отвлечении от многих аспектов) может быть представлено следующим образом. Глубинным основанием складывания «нравственной личности» русского народа и стержнем его историко-культурной традиции явилась православная идея. Исходя из рассуждений Чаадаева на данную тему, можно говорить о двояком пришествии православия на нашу землю и, соответственно, двух периодах российской истории. Первый период – от крещения Киевской Руси князем Владимиром до падения Византии, второй – с пятнадцатого века до девятнадцатого.

На первом этапе влияние православия усматривается, главным образом, в усвоении русским народом евангельских учений «в их первоначальной форме» [16, с. 305], то есть в качестве чистой догмы, без адекватной ей социальной составляющей. В это время христианство содержало в себе лишь «задаток» своего социального начала, которому еще только предстояло осуществиться в истории народов. К моменту принятия христианства Киевская Русь была уже достаточно сложившимся социальным организмом с присущим ему

принципом организации, наиболее созвучным тому направлению осуществления христианской идеи, по которому пошла Византия.

Предпочтительность византийской версии христианизации общества была связана с мирным характером этого процесса на Востоке, в то время как на Западе «езде видим при распространении христианства кровавый бой между прошлыми верованиями и новыми в виде сил земных» [16, с. 358]. Хотя этот мирный характер имел своей основой деспотическую светскую власть, присвоившую «себе полновластие в религиозных делах» [16, с. 304], а своим отрицательным следствием – подавление социальной и интеллектуальной активности человека, тем не менее, он способствовал становлению христианской аскезы и культуры духовного созерцания, без которых было бы невозможно формирование христианского типа личности. Именно это начало византийского православия – нравственную идею в ее чистоте и непосредственности (в очищенном от ее деспотической социальной составляющей виде) унаследовала святая Русь. И именно по этой причине «нравственная идея христианства должна была оказать на этот народ только самое непосредственное свое действие, то есть до чрезвычайности усилить в нем аскетический элемент, оставляя втуне все остальные начала, заключенные в ней, – начала развития, прогресса и будущности» [16, с. 306]. Тем более что смирение и покорность были исконными качествами «этого народа», обеспечивающими мирный характер властных отношений на Руси. В силу наличия отмеченных народных качеств Русь была единственной страной, где вера Христова водворялась «без борьбы и без благовести, ... достаточно было одной державной воли» [16, с. 359]. Чаадаев указывает на судьбоносный характер данного обстоятельства: «Мы, вероятно, были избраны провидением на то, чтобы явить свету пример народа чисто христианского» [16, с. 360].

Понимание Чаадаевым провиденциализма не является ортодоксально богословским, на что справедливо обратил внимание В.В. Зеньковский [7, с. 180]. Идея предопределения в нем сочетается с идеей свободы: «Всемогущая десница стремится привести человека к его конечной цели, не посягая на его свободу, не умерщвляя ни одной из его природных способностей» [16, с. 54], такой провиденциализм может быть назван «вероятностным», а наиболее адекватным терминологическим выражением его сути являются такие слова, как «призвание» и «судьба». Еще в первом философском письме Чаадаев указывает два фактора, влияющих на складывание исторического пути народа: это – «отчасти неисповедимый рок»,

«отчасти сам человек» [16, с. 48]. (Заметим в скобках, что слово «человек» часто используется Чаадаевым в смысле «коллективный человек» – народ или человечество). В соответствии с этим он различает два уровня понимания исторического процесса – его глубинное основание в виде своеобразного метафизического «проекта» мирового разума или «христианской догмы», которая существует вне времени и пространства и потому «не подлежит ни развитию, ни совершенствованию» [16, с. 306]; и фактическое (социально-историческое) осуществление этого проекта посредством «многочисленных применений» христианской догмы «в зависимости от условий национальной жизни» [16, с. 306]. А это значит, что человек (народ), хотя и «обладает достаточной свободой, чтобы быть ответственным за историю» [7, с. 183], однако, лишь в отношении конкретной формы осуществления своего призвания (то есть в отношении «делегируемой» ему провидением части мирового проекта), но не в отношении всего исторического процесса в целом. Иными словами, народы ответственны за то, насколько они оказались верны своему призванию в испытаниях, выпавших на долю их исторических судеб.

Первое тяжкое испытание для русского народа, существенно повлиявшее на его судьбу, – это «свирепое и унижительное чужеземное владычество, дух которого позднее унаследовала наша национальная власть» [16, с. 42]. Татаро-монгольское иго положило начало длительному процессу деформации социальных отношений в направлении все большего подавления свободы личности и формированию таких черт национального характера, которые препятствовали общественному прогрессу. «Именно татарское иго приучило нас ко всем возможным формам повиновения, оно сделало возможным и знаменитые царствования Иоанна III и Иоанна IV, то же владычество облегчило задачу Петра Великого» [16, с. 286]. В целом, положительно оценивая смирение и покорность как духовно наполненные христианские переживания, Чаадаев обращает внимание на то, что в контексте извращенной социальной среды, они становятся условием все большего порабощения человека: «Христианское смирение прекрасно, и, осуществляя его, человек испытывает невыразимое счастье; к сожалению, при некоторых данных условиях оно приобретает вид низости» [16, с. 283]. Подчеркивая разительное отличие этих «некоторых данных условий» на Западе и в России, Чаадаев показывает, к каким последствиям они привели в исторической перспективе: «Начав с крепостной зависимости, крестьянин там пришел к свободе, – у нас же, начав со свободы, пришел к крепостной

зависимости; там рабство было уничтожено христианством – у нас рабство родилось на глазах христианского мира» [16, с. 287].

Рабство это родилось не просто «на глазах христианского мира», но и при определенном идеологическом влиянии православной Византии. В десятом веке это влияние носило сугубо идейный характер, а уже явственно обозначившееся разделение церковью никак не отразилось на религиозном самосознании русского народа, который не отделял себя от всего христианского мира. В пятнадцатом же веке оно послужило каналом трансляции негативного социального опыта из одной мировой «окраины» в другую. Важнейшим событием этого этапа стало усвоение Россией позднейшей византийской версии православия, оказавшейся наиболее созвучной уже существенно трансформированному состоянию русской общины. Концепция «Третьего Рима», будучи религиозной формой ассимиляции позднего византизма, в то же время явилась средством ценностного наполнения искаженного варианта общинных отношений и освящения дальнейшего превращения их в отношения «рабские». В результате ассимиляции возникает своеобразный социокультурный комплекс, социальной составляющей которого оказывается община, а адекватной духовной надстройкой над нею – православие, с привнесенными в него элементами позднего византизма: обожествление светской власти, возведение покорности в добродетель, идея обособленного православного царства.

Схизма уже сама по себе является грехом, то есть нравственным пороком, а ее утверждение с помощью светской власти неминуемо оборачивается социальным злом: Византия пошла по этому пути и вместо «православного царства» оказалась «христианским халифатом» [16, с. 305] на «обочине» мирового прогресса, все больше превращаясь в «пустыню». Продолжив эту традицию, Россия обрекла себя на вековую отсталость.

В ходе воссоздания картины русской истории со всеми ее детализациями и уточнениями Чаадаев все более расширяет социально-исторический контекст осмысления волнующих его вопросов, стараясь приблизиться к истине. Такое приближение к истине наблюдается не только в отношении России, но и в отношении европейских стран. В результате одни сравнительные оценки раннего периода были радикальным образом пересмотрены, а другие существенно скорректированы. Неизменным остается только понимание предельных оснований исторического процесса, в качестве которых выступают две ипостаси личностного начала – божественная в виде «высшего сознания» и земная в трех ее разновидностях:

«всеобщее сознание» человечества, «социальное сознание» народов и «сознание человека». Под «высшим сознанием» понимается Бог как чисто объективное сознание, содержанием которого является идея личности. Бог, хотя и является «движущей силой» истории, не является ее субъектом, следовательно истории не принадлежит; его влияние на мир носит сугубо идейный характер. «Всеобщее сознание» – это выражение идеи совершенства на языке, понятном несовершенным существам и в то же время результат синтеза достижений по ее осуществлению на определенном этапе мировой истории. Так же не являясь субъектом истории, всеобщее сознание выполняет роль опосредующего звена между Богом и людьми, имея свое представительство на земле в лице церкви. Собственно субъектами истории являются только носители человеческого и социального сознания – реальные агенты исторического действия. Под воздействием христианства соотношение личностного и активистского начал в них исторически изменяется в направлении их синтеза: «то и другое естественно сливаются в высшем разуме и неизбежно ведут к одной и той же цели» [16, с. 50]. Такой целью является достижение подлинной свободы исторической личности как необходимого условия созидания социальности христианского типа.

Свободу воли Чаадаев отличает от своеволия, более того, он считает, что первое из них исключает второе. В подлинном смысле свободной человеческая воля становится только в случае полного отказа от своеволия и абсолютного подчинения помыслов и поступков человека требованиям высшей воли: «Все силы ума, все средства познания основываются лишь на покорности: чем более он себя подчиняет, тем он сильнее... Как только мы устраним это верховное правило всякой деятельности, так немедленно впадаем в порочные рассуждения и порочную волю» [16, с. 70]. Однако восприятие высшей воли возможно лишь через усвоение главной христианской идеи – идеи нравственного закона, которая относится к числу наиболее сложных и глубоких идей человеческих. В силу этих своих особенностей идея нравственного закона недоступна массам, которым более свойственна «чувственная жизнь». Она открывается первоначально лишь наиболее глубоким мыслителям, то есть духовной элите общества: «Не в людской толпе рождается истина... во всем своем могуществе и блеске человеческое сознание обнаруживалось только в одиноком уме» [16, с. 148]. И лишь со временем, будучи реализованной в поведении элиты, эта идея становится доступной также и массам, но лишь в виде наглядного примера жизни, который укореняется в традиции и передается

по наследству. «Для того, чтобы стать достоянием человечества, идея должна пройти через известное число поколений; другими словами, идея становится достоянием всеобщего разума лишь в качестве традиции» [16, с. 94].

Наиболее ярко это способ обретения свободы и его благотворные результаты усматриваются Чаадаевым в ранних христианских общинах, которые он считает реальным историческим аналогом полноты осуществления личностного начала в общественной жизни. Он даже указывает на характерные особенности жизни этих общин как признаки «благодатной социальности»: единство мысли и действия, влечение к единству и отвращение от разделения, дух самопожертвования и ненасильственное подчинение дисциплине.

Имея в виду поэтапный характер нисхождения нравственной идеи, Чаадаев отстаивает приоритет духовной власти по отношению к власти светской: «Начало бывает действительно плодотворно лишь тогда, когда оно вполне независимо от светской власти» [16, с. 304]. И только в том случае, когда духовная элита способна задать истинные ориентиры идейных исканий народа, и напротив, оборачивается тормозом общественного прогресса в случае трансляции в массы уже готовых искаженных идеалов. По мнению раннего Чаадаева идея свободной личности в результате раскола оказывалась всецело достоянием Запада, где под водительством католической церкви «искание истины» становится призванием европейского человека и основой его духовного суверенитета: «Народы Запада, отыскивая истину, нашли благополучие и свободу» [16, с. 251]. В противоположность этому на Востоке, идея свободной личности, лишенная статуса добродетели, постепенно превращается в фикцию.

На основе анализа негативного исторического опыта Византии и России Чаадаев предлагает продуманный вариант спасения нашего отечества. Свои надежды он связывает с возрождением личностного начала в русском человеке. По его мнению, это позволит решить две важнейшие задачи укоренного развития общества: ликвидировать крепостное рабство и актуализировать творческий потенциал народа. Такого рода качественные преобразования («преображение») социального организма невозможны без привнесения в его наследственную программу (культурную традицию) той идейной ориентации, которая отсутствовала в православии и наличествовала в католицизме.

Чаадаев не предлагает России сменить религию, он предлагает ассимилировать западное («социальное», «деятельное», «активное») начало идеи личности с ее восточным («аскетичным», «покорным», «жертвенным») началом посредством воссоединения христианских

церквей. Хотя прямых высказываний на этот счет в текстах Чаадаева не обнаружено, «но, исходя из общего смысла его идей, можно думать, что идеальная церковь ... представлялась ему как сочетание этих двух необходимых элементов христианской религии: социального и аскетического» [2, с. 150]. Хорошо представляя всемирно-исторический масштаб такого рода деяния, он возлагает эту миссию на Россию и не столько потому, что это «в ее собственных интересах», сколько потому что это «в интересах всего человечества»: «Россия слишком могущественна, чтобы проводить национальную политику;...ее дело в мире есть политика рода человеческого» [16, с. 240].

Дело в том, что первоначальное романтическое восприятие Запада в тридцатые и сороковые годы претерпело у Чаадаева весьма существенное изменение. Революционные события в Европе той поры настолько явственно обнажили материальную подоплеку западного активизма, что подвергли сомнению его (активизма) духовно-нравственную обусловленность. Видимо, отчасти поэтому Чаадаев не возлагал никаких надежд на инициативу Запада по поводу воссоединения церквей: демократизм западной жизни способствовал утверждению «своеволия толпы», ориентированной либо на «чисто вещественное», либо на «несбыточное». По мнению Чаадаева, идеи совершенства, порожденные толпой, – это «призрачная мечта о совершенстве, ...способная удовлетворить только материальные потребности человека и поднимающая его на известную высоту лишь затем, чтобы тотчас низвергнуть в еще более глубокие бездны» [16, с. 50].

Была и другая причина миссионерского призвания России, связанная с историческим тупиком европейского общества, реализовавшим социальную составляющую христианской идеи и застывшим «в вечной неподвижности» [16, с. 298]. «Политическое христианство» Запада выработало средства социального «преображения» и прогресса общества, но утратило историческую перспективу и подпало под влияние своеволия «толпы», то есть «тварного» начала и его «злой воли»: «Христианская религия исходила из идеи, но...должна была утвердиться на деле: отсюда неизбежные ее поражения» [16, с. 194]. В противоположность этому Россия сохранила и пронесла через века духовно-нравственную идею христианства, не воплотив тот «задаток» социальности, который в ней изначально содержался. Таким образом, «духовное христианство» России оказалось носителем нереализованного потенциала, в осуществлении которого просматривалась историческая перспектива как для нее самой, так и для человечества в целом. «В настоящее время

христианская религия утвердилась фактически, и она явно стремится вновь возвыситься до чистой своей идеи» [16, с. 194]. Притом в условиях кризиса западной цивилизации, получающего все большее распространения и на нашу страну. Именно созревшая угроза «христианоцентристской» направленности исторического процесса была воспринята Чаадаевым как вызов, поиски ответа на который знаменуют начало завершающего этапа мировой истории – этапа «нового времени», на котором ведущую роль должна сыграть Россия: «Мы – истинный богом избранный народ новейшего времени» [16, с. 298].

Все великие помыслы рождаются в «пустыне», проживание в которой способствует возвышенной направленности духа. Великое призвание России видится Чаадаеву в том, чтобы посредством воссоединения христианства первоначально в одной стране (России) создать здесь единый религиозный контекст, обеспечивающий сохранность и действенность его идейного потенциала. А в дальнейшем, силой личного примера, увлечь и другие страны на этот путь. Разумеется, без участия светской власти подобная миссия в политически разделенном мире невозможна, а потому перед Чаадаевым встает вопрос о форме правления, наиболее соответствующей достижению поставленной цели. Как это не покажется странным, такой наилучшей формой правления Чаадаев считает монархию, а решающую роль в возрождении личностного начала в русском человеке он отводит монарху. И это после уничтожающей характеристики самодержавной власти как «олицетворенного произвола», который превратил Россию в «огромный мир рабства», подвластный «воле и произволению одного лишь человека».

С точки зрения Чаадаева здесь нет противоречия: монархия может быть и наихудшей и наилучшей формой правления в зависимости от личности монарха. Как уже отмечалось выше, он придерживался аристократических взглядов на природу властных отношений, отсюда и неприятие им демократии в качестве противоестественного режима как по «чувственному» источнику его идейных оснований, так и по насильственному (революционному) способу установления его: «У меня нет демократических замашек, и я никогда не искал благорасположения толпы» [16, с. 250].

Чаадаев признавал только один вид революции – мировоззренческую революцию в умах и сердцах. И такую революцию можно осуществить только «сверху» и только в ненасильственной форме – просветленным монархом, силой своего личного примера, распространяющего свет постигнутой им истины на ближайшее и отдаленное окружение: «Общество заставляют двигаться вперед

не те, кто колеблются между истиной и ложью, ... а люди принципиальные... Плодотворен лишь фанатизм совершенства, страстное стремление к истинному и прекрасному» [16, с. 182]. Чаадаев был убежден, что его проект вполне реалистичен, и что на протяжении жизни одного поколения достижимо равенство людей в нравственном отношении, исключающее возможность подавления человека человеком, и в то же время создающее условия для осуществления общественного идеала.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма: Репринтное воспроизведение издания YMCA- PRESS, 1955. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
2. Гершензон М. Две главы (XX и XXI) из книги «П.Я. Чаадаев, жизнь и мышление» // Петр Чаадаев. Философические письма к даме / Петр Чаадаев. – М.: Захаров, 2000. – 157 с. С. 142–157.
3. Гурвич-Лищнер С.Д. П.Я. Чаадаев в русской культуре двух веков / С.Д. Гурвич-Лищнер. – СПб.: Нестор-История, 2006. – 254 с.
4. Дегтярева М.И. «Особый русский путь» глазами «западников»: де Местр и Чаадаев / М.И. Дегтярева // Вопросы философии, – 2003. – № 8, – с. 97–105.
5. Дегтярева М.И., Чаадаев и Герцен: эволюция идейных контактов в свете нынешних дискуссий / М.И. Дегтярева // «Отечественная история», – 2005, – № 1, – с. 56–73.
6. Жихарев М.И. Докладная записка потомству о П.Я. Чаадаеве / М.И. Жихарев // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников / Под ред. И.А. Федосова. – М.: МГУ, 1989. – 446 с.
7. Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский Т. 1, Ч. 1-2. – Л.: ЭГО, 1991. – 219 с.
8. Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры / В.К. Кантор. – М.: РОСПЭН, 2001. – 697 с.
9. Лосский Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М.: Высшая школа., 1991. – 559 с.
10. Мазур Н.Н. Из истории формирования русской национальной идеологии (первая треть XIX века) / Н.Н. Мазур // «Цепь непрерывного предания» Сборник памяти А.Г. Тартаковского / Ред. В.А. Мильчина, А.Л. Юрганов. – М.: РГГУ, 2004. – 364 с. С. 196–250.
11. Мильчина В.А., Осповат А.Л. О Чаадаеве и его философии истории // Чаадаев П.Я. Сочинения / П.Я. Чаадаев. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – 655 с. С. 3–12.
12. Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы / В.А. Мильчина. – СПб.: Гиперион, 2006. – 526 с.

13. Ненашев М.М. Петр Чаадаев: учение о свободе воли и смысле истории / М.М. Ненашев. – СПб.: Знание, 1999. – с. 96.
14. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории /Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М.: Магистр, 1997. – 328 с.
15. Пузанов Н.Н. Петр Яковлевич Чаадаев и его мирозерцание / Н.Н. Пузанов. – Киев: Типография И.И. Горбунова, 1906. – 56 с.
16. Чаадаев П.Я. Статьи и письма / П.Я. Чаадаев. – М.: Современник, 1989. – 623 с.

4.3. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

СОБЫТИЯ СМУТЫ НАЧАЛА XVII ВЕКА В СКАЗАНИИ О ЯВЛЕНИИ КАМЕННОГО КРЕСТА У ИЛЬИНСКОЙ ОБНОРСКОЙ ЦЕРКВИ ВОЛОГОДСКОГО УЕЗДА

Биланчук Роман Павлович

*научный сотрудник Некоммерческого партнерства
«Научно-исследовательский центр “Древности”»*

РФ, г. Вологда,

*магистрант кафедры теории, истории культуры и этнологии
факультета иностранных языков, культуры и искусств Педагогического
института Вологодского государственного университета*

РФ, г. Вологда

E-mail: roman-bilanchuk@yandex.ru

THE EVENTS OF THE TROUBLES BEGINNING OF THE XVII CENTURY, IN THE ACCOUNT ABOUT THE APPEARANCE OF A STONE CROSS AT THE CHURCH OF ST. ELIJAH OF VOLOGDA DISTRICT

Roman Bilanchuk

researcher of the Noncommercial partnership "research center "Antiquities"

Russia, Vologda,

*master of the Department of theory and history of culture and Ethnology
of the faculty of foreign languages, culture and arts
of the Pedagogical Institute Vologda state University*

Russia, Vologda

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского
гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 15-01-00393.*

АННОТАЦИЯ

В данной статье предпринята попытка комплексного анализа одного из агиографических текстов, повествующего о событиях Смуты начала XVII в. Археографическое изучение источника дополняется раскрытием историко-культурного и этнографического контекстов бытования памятника.

ABSTRACT

This article attempts a comprehensive analysis of one of hagiographic monuments, narrating the events of the Troubles beginning of the XVII century. Archaeological study of the source supplemented by disclosure of historical-cultural and ethnographic contexts of existence of the monument.

Ключевые слова: Сказания и повести о Смутном времени начала XVII в.; северорусская агиография, устная историческая традиция, археография и источниковедение Русского Севера; этнографические исследования Европейского Севера России.

Keywords: Legend and tale of the time of Troubles beginning of the XVII century; Northern Russian hagiography; oral historical tradition, archaeography and source studies of the Russian North; ethnographic researches of the European North of Russia.

Сказание о явлении каменного креста при Обнорской Ильинской церкви (полное наименование: «Сказание о каменном кресте при храме святого пророка Или, на Обноре реце, в пределех Вологодских»), составленное, предположительно, в конце XVII – начале XVIII в., является малоизвестным и практически не изученным памятником вологодской агиографии. Сказание с минимальным комментарием было введено в научный оборот известным вологодским археографом Н.И. Суворовым, опубликовавшим его в 1879 г. по копии рукописи, хранившейся в архиве Ильинской Обнорской церкви Грязовецкого уезда Вологодской губернии [6]. К настоящему времени местонахождение подлинника рукописи не известно.

Это небольшое произведение повествует о времени и обстоятельствах обретения местной святыни – каменного креста, ставшего главной реликвией местной приходской общины. Ниже приводится полный текст данного памятника. Утраты текста отмечены отточием с угловыми скобками, примечания к памятнику Н.И. Суворова сохранены.

«Царствующу царю и великому князю Василию Ивановичу Шуйскому и кормилом державы Российстей правящу, великия бяху

смуты не точию в царствующем граде Москве, а и других, не далече сущих, градех; еще и на Вологде, в тамошних весех, в них же презлиха бываху сицевыя на Обноре реце, яко пол<...> ляхов и в поганых помышлениях с сим участвующих людей россистей разсылахуся, да овогда предавают огненному запалению веси, овогда <...> не щадают с монахами монастыри, овых сожигают, овых же грабят, чин священный мукам и убийству предаваху, весь люд <...> православных христиан противу царя Василия Ивановича подущаху, дерзостно заставляху их обещании награждений и чествований присягнути и подати крестное целование, яко законному царю, латинствующему Владиславу, не правоверующему сыну Полскаго краля, верно ему служити и всяко повиноватися. Вкратце реци: всей Руси грозилша велии напасти, яко и списателие оных времен нарекоша сицевыя беды гневом правосуднаго Бога за грехи людския, за отступление людей от всякия святыни, за поднятие выи своей по действию диаволу на помазанника Божия – царя своего.

В тыя дни, действующу сицевому отступничеству от Христа Бога нашего, на крепость истинней вере в него избранных Божиих и на устыдение поганых отступников, бысть чудо сицевое, силою Божию совершившееся: бе бо пловец тогда по реце Обноре, ко храму святаго пророка Божия Илии, каменный крест, а той храм стоит на правом брезе.

О сицевом явлении силы Божией предание повествует тако: разстоянию сущу семь поприц от костромскаго местечка Любим, у церкви Пресвятыя Богородицы, на брезе Обноры, идеже монастырь, зовомый Носковский («Носковский, или что в Носкове, упраздненный мужеский монастырь находился Ярославской епархии в Любимском уезде на большой Вологодской дороге. До штатов 1764 г. был приписан к Воскресенском Обнорскому монастырю, а по штатам обращен в приходскую церковь. [Амвросий (Орнатский)] Ист[ория] Росс[ийской] Иер[архии]. – [М., 1815.] – Т. 5. – С. 355.» – Прим. Н.И. Суворова.), братие онаго, узрев каменный крест – знамение Господа Иисуса Христа, а он плывет против течению Обноры, объяти быша зело велим страхом; видевши сицевое жителие, иже тамо бяху прибрежнии, взяша багры и закинуша ими на воды, да привлекут сию святыню, побывше подстрекнути так <...> любоприимством, не могоша яти и привлеци ко берегу крест, иже Божию силою несеся против струй речных с зело велию быстротою. Удивляхуся в сицевом знамении чудеси Божественному, не смеяше николиже прикоснутися к таковой святыне и пристрашни бывше.

Каменный крест сей, октября в 1 день, в онеже празднуем Пресвятей Владычице нашей Богородице, Покров именуемей, обретен бысть у брега Ильинстей церкви на Обноре, яковый крест с подобающим песнопением внесоша боголюбивши людие в тую церковь св[ятаго] Илии и поставиша в паперти, хваляще и благословяще Господа.

Всюду промчеша весть о явлении каменного креста на Обноре реце и людие мнози притекаху к нему, в разуме истины приити желающее, о своих костях плакахуся и каяхуся, в своих гресех при животворящей святыне, и отселе бываху крепцы за истину, яко и чудеса излиха от креста того изливахуся; и приношаху в тую церковь мнози людие жертвы, якоже после, благословением великаго владыки Сильвестра, архиепископа Вологодскаго и Белозерскаго («Архиепископ Сильвестр был на кафедре Вологодской в 1611–1613 годах.» – Прим. Н.И. Суворова.), возмогла соорудитися и иная церковь, во имя Покрова Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы, в ню же и принесен бысть чудный крест.

Тако крест сей святой каменный стоит поднесь в храме сем и мнози притекают к нему с верою молящиеся, яко силы Распятого Христа Бога на нем знаменавше изливахуся и исцеляху всех, с верою к нему прибегающих. Аминь».

Из содержания памятника видно, что его составитель пользовался тремя видами источников: сочинениями «списателей оных времен», устным преданием о явлении святыни («О сицевом явлении силы Божией предание повествует тако»), бытовавшим в среде прихожан, и собственными наблюдениями неопределенного настоящего времени, завершающими текст Сказания. Последовательное расположение этих источников задает и трехчастную структуру памятника, традиционную для подобного рода агиографических произведений: угроза божьей кары «за грехи людския» – явление святыни – продолжающиеся чудеса от реликвии [1].

Прямых источников, послуживших основой первой части Сказания выявить не удалось, однако ясно, что ими могли быть образцы агитационной литературы и иные памятники письменности эпохи Смуты (прежде всего видения и знамения), читавшиеся и активно использовавшиеся на территории Русского Севера в XVII в. Прямое указание в тексте на двух персонажей (царь Василий Шуйский; королевич Владислав) позволяет достаточно точно установить время описываемых событий. Поскольку речь идет о «дерзостной» присяге части русского общества «латинствующему Владиславу, не правоверющему сыну Полскаго краля» при живом

«помазаннике Божием» благоверном царе Василии Ивановиче, то следует предположить, что обстоятельства явления креста, описанные в Сказании, относятся к периоду очередного кризиса центральной московской власти лета-осени 1610 г. [3, с. 274–289], вызвавшего «брожение умов» в городах и уездах Замосковья и Поморья [8, с. 500–505]. В Сказании, таким образом, нашла выражение ситуация неопределенности и социальной напряженности, преодолению которых и послужило чудесное явление каменного креста.

Вторая часть Сказания повествует об обстоятельствах обретения реликвии. Здесь в тексте действует отчетливо выраженная установка на достоверность, в целом свойственная жанру преданий: каменный крест, «с zelo велию *быстроюю*» плывущий против течения, сначала замечается у костромского местечка Любим, но не «дается» в руки местных жителей, пытающихся привлечь его к берегу; конечным пунктом «путешествия» святыни оказывается Ильинская Обнорская церковь, священники и миряне которой «с *подобающим песнопением*» и «*внесоша*» крест «в тую церковь».

Обратим внимание на место происшедшего «события». В XVI–XVII вв. селения, расположенные по верхнему течению р. Обнора и входящие в состав одноименной волости, являлись пограничными с костромскими землями [9, с. 443]. «Пограничный», охранительный статус закрепляется и во указании конкретного времени появления реликвии – «*октобриа в 1 день, в онеже празднуем Пресвятей Владычице нашей Богородице*». Как известно, Покров Божией Матери был одним из важнейших праздников Московской Руси, в символической основе которого была заложена идея особого покровительства Богородицы над православными землями и царствами [4, с. 25–31].

Вполне логичным выглядит освящение, с благословения Сильвестра, архиепископа Вологодского и Великопермского, для новоявленной святыни особого Покровского храма. Поскольку в материалах окладных книг церковью Вологодского уезда XVII в. отдельного богородичного храма в данном приходе не числится (см.: Российская Национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 550. Q. II. 105. Л. 36 (1628 г.); Q. II. 106. Л. 46 (1648 г.); Q. II. 107. Л. 55 об. (1678 г.)), то можно предположить, что данный храм достаточно продолжительное время являлся приделом Ильинской церкви. Во второй половине XVIII в. в приходе существовали уже две деревянные церкви – пророка Божия Илии и Покрова Пресвятой Богородицы. В 1855 г. вместо них, «*тщанием прихожан*», была

построена новая, каменная, одноэтажная, в одной связи с колокольной, получившая придел во имя Воздвижения честного и животворящего Креста Господня (Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 496. Оп. 4. Д. 357. Л. 183).

Точное время создания памятника и его авторство определить сложно. Случайная описка составителя, назвавшего владыку Сильвестра архиепископом Вологодским и *Белозерским* (правильно: Великопермским), относит нижнюю границу появления Сказания к началу 80-х гг. XVII в., т. е. ко времени окончательного оформления новой Вологодской и Белозерской епархии. Весомым поводом к созданию произведения могло стать освящение самостоятельного Покровского храма в Ильинском приходе (конец XVII – начало XVIII в.). Безымянный автор, облекший устное предание в простую и безыскусную литературную форму, вероятно, был из числа местных священников.

Важно отметить, что исторические реалии местной фольклорной традиции, принявшей вид письменного сказания, скорее всего можно описать в рамках специального ритуала изготовления каменного креста, тождественного построению обетного (обыденного) храма. Данный ритуал мог быть исполнен по приговору жителей Ильинского прихода или волости в целом. Впоследствии достоверные детали этой мирской инициативы подверглись неизбежному процессу фольклоризации, столь заметному в тексте Сказания.

В связи с этим представляет несомненный интерес историко-культурный контекст бытования данного памятника. Как известно, каменные кресты и связанные с ними обряды, предания и поверья являлись важным элементом устной народной культуры [2, с. 180–236] и произведений местных литературных «школ» периода Средневековья и раннего Нового времени [5, с. 374]. В устно-письменной (фольклорной и житийной) исторической традиции Русского Севера почитание подобного рода реликвий связывается с устойчивым мотивом «плавания святого», в том числе на камне. При этом, «водное» появление святого (с весьма частым использованием уточняющего мотива – «плавание против течения») в той или иной местности является знаком исполнения божественного жребия [6, с. 54, 70–72]. В нашем случае божественный промысел был направлен не столько на решение устроительной функции (создание нового храма, монастыря), сколько на «охранение» местного сообщества в период Смуты.

По сообщению приходской летописи Обнорской Ильинской церкви, которую вели местные священники в 60–80-е гг. XIX в.,

в среде прихожан устойчиво бытовали предания о явлении каменного креста, сходные по содержанию с текстом Сказания. Хранителями устной исторической традиции являлись представители двух крестьянских старожильческих семейств – Румянцевых и Шевелевых, предки которых в начале XVII в. исполняли обязанности церковных старост при Ильинском храме (ГАВО. Ф. 1063. Оп. 78. Д. 12. Л. 3–3 об.).

С появлением *«заветной святыни»*, отмечается в той же летописи, молва о целебном характере каменного креста неизменно привлекала к церкви большое количество *«усердствующих поклонников»*. Около 1796–1797 гг. преосвященный Феофилакт, епископ Вологодский, *«неизвестно для чего»* изъял данный крест из церкви и поместил его в Спасо-Всеградский собор г. Вологды, однако вскоре, после многочисленных прошений жителей Обнорской и соседних волостей, вынужден был вернуть его обратно. Церковно-приходская летопись отмечает и определенный ритуал обращения с крестом. Паломники, *«страждущие различными недугами»* обливали святыню водой и использовали ее в качестве целебной при различных заболеваниях (Там же. Л. 4 – 4 об.).

Таким образом, рассмотренное выше Сказание представляет собой краткую записку мемориального характера, повествующую о главных вехах истории Ильинского храма и его святыни – каменного креста. Сказание длительное время сосуществовало с устными преданиями и обрядово-ритуальной повседневностью, поддерживая локальную идентичность.

Важно отметить, что воспоминания о событиях Смутного времени начала XVII в. длительное время сохранялись в устно-письменной традиции. Этому обстоятельству в немалой степени способствовало наличие в приходе вполне конкретной реликвии, служащей своеобразным *«местом памяти»* и средоточием паломнической практики.

Список литературы:

1. Кузнецов Б.В. События смутного времени в массовых представлениях современников: Видения и знамения, их значение в этот период: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 16 с.
2. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.
3. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время) / отв. ред. Я.Н. Щапов, ст. Е.В. Чистяковой. 5-е изд. – М.: Памятники исторической мысли, 1995. – 470 с.

4. Плеханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. – СПб.: Акрополь, 1995. – 336 с.
5. Руди Т.Р. Два Сказания о чудотворных святынях Смоленского, что на Бору, монастыря под Ярославлем // Труды Отдела древнерусской литературы / РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом). – СПб.: Дмитрий Буланин, – 2001. – Т. 52. – С. 359–384.
6. Рыжова Е.А. Архитектоника русской агиографии: композиционный эпизод «выбор места основания монастыря или храма» (Мотив «плавание святого» в контексте устной традиции) // Труды отдела древнерусской литературы / РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом). – СПб.: Наука, 2009. – Т. 60. – С. 51–84.
7. Сказание о каменном кресте при храме святого Пророка Божия Илии, на Обноре реце, в пределех Вологодских / публ. Н.И. Суворова) // Вологодские епархиальные ведомости. – 1879. – № 13. Ч. неофиц. – С. 287–289.
8. Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII ст.: движение Лжедмитрия II. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. – 600 с.
9. Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. – Вологда: Древности Севера, 2012. – 576 с.

ОБЗОР КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛИИ XIV–XVI ВВ.

Даваасурэн Ундрах

*Ph.D доцент, кафедра азиатских языков и страноведения
институт науки. Монгольский государственный университет,
Монголия, г. Улан-Батор
E-mail: undrakh2002@gmail.com*

REVIEW OF ARTIFACTS IN CHINESE LANGUAGE RELATED TO THE HISTORY OF MONGOLIA OF XIV-XVI CENTURIES

Davaasuren Undrakh

*Ph.D associate professor, school of science, department of Asian studies,
National University of Mongolia
Mongolia, Ulaanbaatar*

АННОТАЦИЯ

История Монголии XIV–XVI вв считается одной из самой малоизученной темой, вызывающей большой интерес исследователей. Источники на китайском языке являются важными источниками для изучения истории данного периода Монголии. В данной статье дается обзор источников на китайском языке по истории Монголии в период династии Мин.

ABSTRACT

XIV–XVI centuries considered to be the most unfamiliar period of the Mongolian history and this is one of the important topics to be studied by the historians and researchers engaged in history of Mongolia. The historical artifacts – main sources of the period are in Chinese language. The paper shall provide an overview of the artifacts related to the Mongolian history during the Ming dynasty and study was done in Mongolia on the subject.

Ключевые слова: источники на китайском языке; династия Мин; отношения Мин и Монголии; Мин-Ши, неофициальные исторические источники.

Keywords: artifacts in Chinese language; Ming empire; Mongolia-Ming relations; Ming Shi; unofficial historical records.

В 1368 году после падения династии Юань на смену пришла династия Мин. Императором новой династии был провозглашен Жу Юань Жан. Монголы, потерявшие свою власть, переселились на север, но неоднократно пытались взять власть. Об этом свидетельствует битвы, которые продолжались в течение 278. В середине XVII века после основания династии Чин маньчжурами прекратились военные действия между Монголией и династией Мин. История отношений этих двух стран данного периода играет важную роль в истории Китая. А также в китайских исторических памятниках часто упоминаются такие исторические события как «тумуская катастрофа» (1449), «система взимания налога Алтан хана» (1570).

Китайские и западные исследователи отметили в своих работах о том, что письменные и исторические источники, относящиеся к данному периоду Монгольской истории, на монгольском языке встречается редко [13, с. 45].

Китайские источники представляют большую ценность для изучения истории Монголии [2, с. 3] Монгольский историк Рашпунцаг XVIII века пишет в своей работе о ценностях китайских источников по истории Монголии. Тем не менее Рашпунцаг подчеркивает то,

что признать китайские источники без тщательного изучения и исследования неправильным [5, с. 38].

В настоящее время проведено немало исследований по истории данного периода учеными. Большое значение имеет труд Тамуры Жицузоо и других японских ученых «Копия заметок о династии Мин – глава о Монголии» в 10 томах. Также большую ценность представляют глава под названием «Заметки о династии Мин – сборник о ойратах»

《明实录-瓦刺资料摘编》, включенная в книгу «Краткая история Джунгаров» 《准葛尔史略》, Чэн Гао 陈高华 《明代哈密》, «Сборник о Турфанов и Хами в период Мин» 《土鲁番资料汇编》. Американский ученый Х. Сейрройс перевел 《夷谷记》, 《北虏世系》. Ценность данной работы заключается в том, что здесь собраны много ценных сведений из разных источников. В книге Х. Сейрройса “Sino-Mongol relations during the Ming” представлены «Мин ши», «Мин ши лу» и “Дай Мин Хуй чэнь” (свод законов династии Мин). Книга русского исследователя Д. Покотилова «История восточных Монголов в период династии Мин» (1368–1634, по китайским источникам), написанная на основании источников “Мин Ши”, “У бан диен цэ”, является важным материалом для изучения истории Монголии XIV–XVI вв. Кроме того, большую ценность представляют собой работы монгольских ученых-историков Л. Жамсран и Н. Ариунгуа. Историк Л. Жамсран перевел на монгольский язык “Ван ли у гун лу” (заметки о военных подвигах Ван Ли) и впервые был введен в научный оборот этот ценный китайский источник. Н. Ариунгуа первый исследователь, проведшая кропотливое исследование по истории Монголии в период династии Мин. Н. Ариунгуа выпустила книгу «Отношения Монголии и Китая XIV–XVI вв», в основу которой легли сведения источника «Мин Ши Лу».

«Мин Ши» (история династии Мин), «Мин Ши Лу» (официальные и неофициальные записи об истории династии Мин) являются основными источниками для изучения истории династии Мин, в которых данных более точно и подробно рассказывается история династии Мин в хронологическом порядке. В данные источники включены документы, составленные чиновниками при императоре, письма чиновников из дальних регионов, дневники путешественников и заметки купцов. Исследователи чаще обращаются к вышеназванным двум источникам, считая остальные источники неофициальными [1, с. 3]. Мы можем отметить то, что с давних времен в основу китайских источников легли записки и отчеты путешественников, купцов и дипломатов.

Исторический документ является основой для изучения истории. Таким образом создать материальную базу, другими словами составить список всех источников на китайском языке имеет большое значение в продвижении уровня исследования по истории Монголии и династии Мин.

Нами были найдены следующие источники:

1. “Бэй шунь сы жи” /北巡私记 / заметка о путешествии на север

Автор: Лю Жи, 1 том. Автор данной заметки служил во дворце при хане Тогоонтумур в последнем периоде существования династии Юань. В 1370 году переехал на территорию нынешней внутренней Монголии и стал служить чиновником в пограничной службе династии Мин. В данной записи охватывается период правления династии Мин до династии Чин. “Бэй шунь сы жи” представляется собой дневник, где содержатся рассказы о традициях и обычаях монголов и часто встречаются названия местностей и имена монголов. В 1859 году Мо Ёо Жы выпустил книгу, полностью используя данные настоящей заметки и дополняя другими сведениями из истории последних годов правления династии Чин. В 1908 году данная заметка была издана китайским ученым Ке Янь Жы. Настоящая заметка опубликована в сборнике “云窗丛刻”, изданном в начале XX века.

2. “Бэй пин лу” /北平录/

Автор: Шы мин. В данном источнике описана битва, в которой войска династии Мин одержали победу над монголами. В настоящей записи рассказывается события с 1368 по 1398. Сведения из данного источника была включена в «Мин Ши».

3. “Бэй жэнлу” /北征集/ заметка о походах на север.

Автор: Жинь Яаозы (1368–1431), родом из Жянь Ши. В восьмой год правления Юн Ло император династии Мин совершил поход на север и воевал с монгольским ханом Буяншир. Это событие было описано в данной записи, которая была написана как путевая заметка.

4. “Юнь нань живучаохуан” /云南机务抄黄/

Автор: Мин Шэн. Родом из уезда Фупин провинции Шэнси. Данная заметка была написана Мин Шэном с 1382 по 1388 годов, когда он служил военным служащим при дворе Хун У, отвечающим за военные вопросы монголов и других народов регионов Юнь нань. В настоящей заметке отражены сведения, связанные с военными действиями.

5. “Хоу бэй жэн лу” /后北征集/

Автор: Жинь Яаозы (1968–1431), родом из Жянь Ши. В десятый год Юн Ло автор данной заметки стал свидетелем военного похода

правителя династии Мин на север и битвы с монгольским ханом Буяншир и записал это событие в своей путевой заметке. В данной работе нашли свое отражение военный поход правителя Чэнзү на север 1414 года.

6. “Бэй жэн жи” /北征记/

Автор: Ян Рун (1371-1440), родом из уезда Жиен Ань провинции Фу жиен. В 1400 году назначен чиновником. Ян Рун много раз путешествовал в Монголию. 1424 году, во время пятого военного похода правителя династии Мин Чэнзү в Монголию была написана данная заметка.

7. “Фоу тай лу” /否泰录/

Автор: Лю Динь жи (1409–1469), родом из уезда Юн Ши провинции Жян Ши. Дворцовый чиновник. Занимал должность чиновника по составлению истории династии. В “Фоу тай лу” сообщаются о мирном договоре, который был заключен между династией Мин и Монголами, в результате чего был отпущен из плена император династии Мин Ин Цзун.

8. “Бэй ши лу” /北使录/

Автор: Ли Ши, родом из провинции Сы Чуан. В 1442 году был назначен в должность чиновника при дворе. В 1450 году, после тумуской катастрофы был отправлен в качестве посла в Монголию. Данный источник был написан как путевая заметка. В ней приводятся разговоры с ойратским тайжом и сведения об императоре Инзун, который был в плену в то время.

9. “Бэй жэн шы жи” /北征事迹/

Автор: Юань пэн, родом из уезда И Фэн, провинции Жян Ши. “Бэй жэн шы жи” представляет собой подробный рассказ о тумуской катастрофе. В данном источнике мы можем найти сведения о сражении с монгольским ханом Эсэн и о попадании императора в плен.

10. “Жэн тун лин рун лу” /正统临戎录/

Автор: Ян Мин, настоящее имя Ха мин, по национальности был уйгуром. В период правления Жэн Тун находился в Монголии в качестве посла. В 1449 году, во время сражений с монгольским ханом Эсэн сопровождал императора Ин Цзуна. В данном источнике описывается образ жизни, традиция и обычаи и менталитет монголов.

11. “Бэй лу жи люэ” /北虏纪略/

Автор: Жао Ши Чюнь.(1509–1567), родом из провинции Гун су (нынешней). В 1526 году был отправлен в провинцию Шаньси в качестве чиновника пограничной службы. В настоящем источнике рассказывается о племенах монголии, которые жили на пограничных

районах около Ляо дун. В данной записи упоминаются имена глав 40 племен.

Таким образом, нами было найдено следующие источники, свидетельствующие об отношениях между династией Мин и Монголией: “Жэн тун бэй шоу шы жи” /正統北狩事迹/, “Ши жэн шы чэн жи” /西征石城记/, “Фу ань дун и жи” /抚安东夷记/, “Бэй лу шы жи” /北虏事迹/, “Бэй лу жи люэ” /北虏纪略/, “Биен жэн као” /边政考/, “Хуан мин бэй лу као” /皇明北虏考/, “Жю биен као” /九边考/, “Да тун жи шы” /大同纪事/, “Юнь жун шы жи” /云中事记/, “Юнь жун шы биен” /云中事变/, “Да тун пин бань жи” /大同平叛志/, “Хун ёу лу” /鸿猷录/, “Бэй фа жун юань” /北伐中原/, “Ке цю юань доу” /克取元都/, “Люэ ся хэ дун” /略下河东/, “Кай динь гуань жун” /戡定关中/, “Бэй жэн ша мо” /北征沙漠/, “Куо чин диен нань” /廓清滇南/, “Сан ли лу тинь” /三犁虏庭/, “Пин гу юаньдао” /平固原盗/, “Фу динь да тун” /抚定大同/, “Зай дин да тун” /再定大同/ и “Шу юй зы лю” /殊域周咨录/.

Заключение

В данной статье представлены 35 источников, которые не были включены в «Мин Ши» (история династии Мин), «Мин Ши Лу» (заметки о династии Мин). Приведенные источники представляют собой большое значение для дальнейшего исследования истории Монголии и династии Мин.

Особенность этих источников заключается:

1. Найти сведения, свидетельствующие об истории Монголии, в китайских источниках требует от исследователя тщательности и внимания.
2. Сведения таких источников становятся важными прямыми источниками для исследования.
3. Сведения из приведенных источников, не вошедшие в «Мин Ши» (история династии Мин), «Мин Ши Лу» (заметки о династии Мин) представляют собой отдельные новости и различные по содержанию информации.
4. В некоторых источниках сильно различаются даты события, названия местности и события.
5. Ценность источников увеличивается тем, что династия Чин уничтожила все важнейшие источники, связанные с историей предыдущих государств.

Таким образом, в настоящих источниках, в основном, описываются события, относящиеся к периоду династии Мин и Чин / 1573–1620, Жя Жин, Лун Чин, Вань Лин/. Кроме того, в китайских источниках подробно описываются образ жизни, обычаи и традиции

татар, ойратов, урянхайцев и сахаров, вошедшие тогда в состав Монголии, и местность. Приведенные источники заслуживают специальных исследований.

Список литературы:

1. Ариунгуа Н. Отношения Монголии и Китая XIV–XVI вв. УБ., 1996. – 3 с.
2. Мункуев Н.Ц., Китайский источник о первых монгольских ханах М., 1965 г. – 3 с.
3. Покотилов Д. История восточных Монголов в период династии Мин (1368–1634, по китайским источникам. СПб., 1893. – 20–45 с.
4. Цю Цзюсы. Биография монгольских ванов. перевод. Жамсран Л. УБ., 2011.
5. Далай Ч «История империи Юань» УБ., 1995. – 38 с.
6. Fairbank J.k. gnd Yu Teng. On the Ch'ing Tributary System Ch'ing Administration. Three Studies Cambr.Mass. 1960.
7. Serryus H. Sino-Mongol Relations during the Ming. Brussels, 1967, 1975.
8. 《明实录》
9. 《明朝纪事本末》
10. 《明史》
11. (明) 瞿九思《万历武功录》卷十三《俺答汗列传》
12. 留金锁: 《十三世纪—十七世纪的蒙古历史稿》海拉尔市, 1979年版。
13. 薄音湖、王雄: 《明代蒙古汉籍史料汇编》内蒙古大学出版社, 1994年版
14. 达力扎布: 《明代漠南蒙古历史研究》, 内蒙古文化出版社, 1998年版。
15. 谢贵安: 《明实录研究》, 湖北人民出版社, 2003年版。
16. 嘎尔迪: 《蒙古文化专题研究》, 民族出版社, 2004年版。

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОДЕРЖИМОСТИ, КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

Крылова Диана Дмитриевна

*аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков
и методологии истории, исторического факультета,*

*Национального исследовательского
Томского государственного Университета*

РФ, г. Томск

E-mail: diana.krylova90@mail.ru

METHODOLOGY OF STUDING A POSSESSION, AS SOCIAL A PHENOMENON

Diana Krylova

*postgraduate student of history ancient time, middle ages and methodology
of history department, the historical faculty*

National research Tomsk State University,

Russia, Tomsk

АННОТАЦИЯ

В статье представлен обзор основных методологических подходов к изучению демонической одержимости в отечественной и зарубежной историографии. Анализируется результативность применения данных методов для определения и объяснения природы демонической одержимости, а также рассматриваются перспективы ее изучения, как социокультурного феномена эпохи позднего средневековья.

ABSTRACT

In paper is presented review of the basic methodological approaches to studying of demonic possession in a domestic and foreign historiography. Analysed a productivity of application of the given methods for definition and an explanation of the nature of demonic possession. Also are considered perspectives of studying a demonic possession, as social-cultural a phenomenon of the early modern time.

Ключевые слова: одержимость; социокультурный феномен; методология; историография; позднее средневековье.

Keywords: possession; social-culture phenomenon; methodology; historiography; early modern time.

В настоящее время феномен демонической одержимости остается одним из малоизученных, противоречивых сюжетов истории позднего средневековья Западной Европы в отечественной и зарубежной историографии. Эта ситуация объясняется некоторой периферийностью темы одержимости, находящейся в рамках изучения средневековой и позднесредневековой «охоты на ведьм» XV – XVII вв. Чувствуется острая нехватка фундаментальных работ по данной проблематике, так как большинство работ по указанной теме носят справочно-иллюстративный или описательный характер [21, с. 294–299; 4, с. 186–200].

Каждый исследователь индивидуально подходит к изучаемому явлению, по-своему называя и применяя методологию. Некоторые авторы используют более узкое деление методов исследования данной проблематики: иногда выделяется социологический подход, когда возникновение одержимости объясняется коренными переменами в структуре самого общества [41, р. 15]. Другие же стремятся к обобщению и указывают не более двух – трех направлений. Развиваются новые подходы на базе достижений фольклористики, лингвистики, семиотики и др. В связи с этим существует необходимость обобщения накопленного научного материала, выявления наиболее результативных методологических подходов к теме.

В целом в современной науке можно выделить несколько традиционно магистральных, приоритетных методологических подходов к изучению феномена демонической одержимости, не потерявших своей актуальности и применяющихся к исследованию этого феномена параллельно друг другу.

Одним из первых методологических подходов стоит назвать теологический или конфессиональный подход. Данный подход возник в рамках христианского религиозного учения. Его суть заключается в преподнесении демонической одержимости, как результата прямого вмешательства духов или иных внетелесных существей в дела человека. Природа одержимости объясняется Божьим промыслом, Божьей волей или карой.

На Западе этот подход сформировался на базе многочисленных демонологических трактатов классического и позднего средневековья. Примерами подобных работ могут служить: «Молот ведьм» (1486), Я. Шпренгера и Г. Инститориса [28], трактаты Ж. Бодена «Демонomanия» (1580) [31, р. 128–134], Дж. Гиффорда «Диалог

и ведьмах и колдовстве» (1584) [5, с. 59–148], кроля Якова I «Демонология в форме диалога» (1597) [29, с. 345–385] и др. В последующем подход продолжал жить в рамках ограниченного круга духовных лиц, благополучно дожив до наших дней.

Отечественная версия этого подхода начинает свой отсчет с конца XIX века, когда Российскую империю захлестнули массовые эпидемии кликушества. Православное духовенство, определявшее проявления кликушества, как бесноватость, при объяснении природы и происхождения этого явления были солидарны со своими западными коллегами.

Представим несколько работ православных священников, появившихся в это время: и. Марк «Злые духи и их влияние на людей» (1899) [17], о. Михаил «Злые духи (демоны) по учению Иоанна Кронштадтского» (1900) [24], анонимная статья «Духовный взгляд на малеванщину и кликушество. По поводу статьи профессора И. Сикорского «Психопатическая эпидемия» 1892 г.» (1893) [9, с. 589–595], работы А.И. Алмазова, в частности «Чин над бесноватыми» (1901) [1].

Несмотря на кажущуюся исчерпанность данного методологического подхода, он сохраняет актуальность, и даже в какой-то степени увеличивает количество своих приверженцев. Неким подтверждением этого факта может служить возвращение Ватиканом в начале XXI века профессиональной подготовки священников – экзорцистов в университете *Athenaeum Pontificium Regina Apostolorum*. В поле зрения общественности все чаще возникают резонансные судебные разбирательства, связанные с проблемой одержимости и ее трактовкой среди религиозной части населения [36, р. 14; 37].

Главный минус данного подхода заключается в том, что сверхъестественное объяснение природы одержимости, снимает необходимость любого другого объяснения этого феномена. Теологический подход переводит явление в плоскость божественного промысла, сферу, где научные методы и приемы бессильны, тогда как основные вопросы о реальных причинах и социальном значении одержимости в жизни позднесредневекового общества так и остаются без ответа.

Следующим методологическим подходом к изучению демонической одержимости стал медицинский или психиатрический подход, в рамках которого явление трактуется как болезнь психиатрического свойства, либо как сумасшествие. Это направление возникло в противовес теологическому подходу на базе развернувшихся дискуссий

о происхождении демонической одержимости во Франции, Англии и Шотландии рубежа XVI–XVII веков [11, с. 150–156]. С наступлением эпохи Просвещения данный подход стал доминирующим и объяснял одержимость, как разновидность истерии.

Следующая веха в развитии медицинского подхода началась с момента оформления психологии и психиатрии в отдельную отрасль научного знания в конце XIX – начале XX вв. К теме одержимости обратился З. Фрейд в работе «Невроз дьявола в семнадцатом веке» [25, с. 283–322] и определил это явление как невроз, возникший на основе подавляемых желаний. Эта концепция будет развита многочисленными последователями З. Фрейда в различных методологических вариациях.

Существенный вклад в развитие медицинского подхода к одержимости внесла отечественная школа психиатрии. Анализируя всплеск эпидемий кликушества, русские психиатры написали ряд работ, посвященных природе одержимости, однако мнения ученых относительно этого предмета разошлись. Профессор И.А. Сикорский [22], историк медицины М.Ю. Лахтин [16, с. 141–184], академик М.П. Никитин [19, с. 656–668; с. 746–756], соглашались с западными коллегами и интерпретировали одержимость, как форму истерического припадка. Психиатр Н.В. Краинский [15, с. 42] видел в этом феномене не столько заболевание, сколько «бытовое явление русской жизни», в котором не последнее место занимает самовнушение. Академик В.М. Бехтерев [3] считал, что одержимость является частным случаем истерии, но, соглашаясь с Н.В. Краинским, отмечал, что в процессе формирования данного заболевания серьезную роль играет самовнушение и болезненное подражание.

В настоящее время приверженцы данного подхода определяют одержимость как спектр психологических заболеваний – от невроза до шизофрении [13]. Отдельным направлением в данном подходе является интерпретация одержимости как состояния измененного сознания, подобного состоянию транса шаманов и пр. [18, с. 220–263]. Одержимость включена в международную классификацию болезней МКБ-10, упоминается она в пункте F44.3 «Транс и одержимость». Данное направление является одним из приоритетных, тем более, что применение этого подхода принесло немало достижений и результатов, например, в области объяснения «заразности» и быстрого распространения одержимости внутри конкретного замкнутого сообщества. Ведущими методами данного подхода является различные типы психодиагностики [14, с. 46–55].

Достижения современной психиатрии находят свое применение в исторических работах, как например, в исследовании «Колдовство и колдовские болезни: Антропология болезни в средние века» Ю.Е. Арнаутовой [2, с. 120–126], в которой одержимости отведена отдельная глава. Автор описывает одержимых как душевных больных с разнообразными психологическими заболеваниями. При этом исследовательница не отрицает того факта, что одержимыми могли быть и здоровые люди, и даже отмечает, что уже в средневековье предпринимались попытки разделения одержимых и сумасшедших.

Основной недостаток представленного подхода заключается в переносе феномена демонической одержимости в сугубо медицинский контекст, что исключает возможность реконструировать взаимосвязи между членами сообщества, в котором появился одержимый. Происходит изъятие фигуры одержимого из исторического, социального контекста и перенос ее в область психиатрии. Складывающаяся интерпретация явления, по меньшей мере, схематична, при этом изменчивый культурный контекст исчезает.

Следующий подход к феномену одержимости можно условно назвать конспирологическим подходом. Подход сформировался на базе громких разоблачений обманщиков, которые притворялись одержимыми и провоцировали судебные разбирательства над ведьмами в Западной Европе XVI–XVII вв. В последующем эти сюжеты были переосмыслены известными писателями, например, такими, как А. Дюма [10, с. 539–606] и В. Скотт [23]. В целом, данный подход пришел в историческую науку из художественной литературы.

Сторонники данного подхода рассматривают одержимость как заговор, политическую акцию или злой умысел заинтересованных лиц против тех, кого позднее назовут ведьмами и колдунами. Одержимые же при этом определяются как притворщики, преступники, которые отправляли на смерть невиновных людей [21]. Указанный подход оказался довольно живучим в объяснении феномена «охоты на ведьм», и на какое-то время стал ведущим направлением в исторической мысли Западной Европы.

Ярким примером реализации конспирологического подхода следует назвать «Луденских бесов» О. Хаксли [26]. Данная работа носит научно-публицистический характер и посвящена реконструкции луденского казуса 1632–1640 гг., когда во французском городе Луден произошла одна из самых известных эпидемий одержимости среди монахинь. Автор уличает аббатису монастыря Жанну от Ангелов в заговоре с городской элитой против приходского священника Урбена Грандые, которого казнили по обвинению в колдовстве. О. Хаксли был

настолько убедителен в своих доводах, что подобного рода интерпретация одержимости стала популярна в массовом сознании, при активном содействии со стороны киноиндустрии и театрального искусства [42].

К сегодняшнему дню в большей степени данный подход ушел в область псевдонаучных изысканий, хотя в некотором облегченном варианте применяется в исторической науке до сих пор. Основным недостатком данного подхода является высокая степень субъективности в оценке исторических событий, а также поиск заговоров порой на пустой почве.

На данный момент приоритетным является историко-антропологический подход. В его рамках следует выделять несколько отдельных направлений: гендерный подход, антрополого-этнографический подход и социально-ролевой подход, однако все они интерпретируют её как социокультурный феномен эпохи.

Гендерный подход понимает под одержимостью, форму женской реакции в ответ на общественный вызов, либо особую форму внутренних социальных отношений между женщинами замкнутого сообщества. Подход базируется на статистических выводах, которые фиксируют количественное преобладание женщин и девушек в общем числе выявленных случаев проявления демонической одержимости.

Сейчас гендерный подход, утратив большую часть прежнего идеологического радикализма, сосредотачивает внимание на проблеме ведовства и позднесредневекового мистицизма, при этом к проблематике одержимости обращается опосредованно. Примером работ данного направления, может считаться работа Н.З. Девис «Дамы на обочине: Три женских портрета» [8], где сюжет об одержимости Марии Воплощения объясняется как форма женской реакции на изменяющуюся ситуацию.

Рассматриваемый подход тесно связан с психологическим подходом и применяет методы психодиагностики для объяснения этого типа женского поведения. Так антрополог И.М. Льюис [39] благодаря психодиагностике определяет механизм возникновения одержимости: депривация (невозможность достижения) – фрустрация – трансгрессия (проступок/грех) – одержимость.

Одним из минусов данного подхода можно считать стремление обобщить феномен и перенести его в плоскость изучения взаимоотношения полов, либо объяснить одержимость, только сквозь призму женской истории, что в корне неправильно, так как среди одержимых встречались и мужчины. Хотя нельзя отрицать некоторую перспективность данного направления и целесообразность применения

этой методологии в изучении какого-либо отдельного сюжета об одержимости.

Второе направление – антрополого-этнографический подход, который определяет одержимость как социально-культурный феномен, выводы строятся на основе наблюдения и изучения живых практик одержимости и спиритаулизма в традиционных культурах по всему миру. Одной из родоначальниц подхода является Эрика Бургиньон, автор работы «Одержимость» [33], написанной на материале наблюдения магии вуду и практик одержимости на о. Гаити.

На сегодняшний день у этого направления множество последователей, год от года растет число статей, посвященных обнаружению, наблюдению и интерпретации одержимости и транса в культурах народов мира, в том числе изучению различных экзотических практик, таких, как шаманизм народов Сибири [12, с. 19–31]. В целом, данная методология позволила исследователям рассматривать одержимость как форму общественного восстания против произвола властей, форму психологической разрядки или часть культурного кода, который, подобно любым другим ритуальным практикам, приобщает человека к его корням [32, р. 407–433].

Несмотря на весомый вклад подхода в изучение феномена, одной из серьезных проблем в отношении изучения позднесредневековой демонической одержимости остается невозможность, либо проблематичность применения выводов и методов, полученных экспериментальным путем, в частности путем наблюдения феномена, к западноевропейским материалам XVI–XVII веков.

Третьим направлением, сформировавшимся внутри историко-антропологического подхода, является социально – ролевой подход. Его суть заключается в интерпретации одержимости как социокультурного феномена эпохи, некоего культурного кода, при этом одержимые/одержимость – один из вариантов общественной роли, выполняющей ряд важнейших социальных и психологических функций.

Одним из первых данный подход реализовал в своем исследовании «Луденская одержимость» французский историк и антрополог М. Серто. Автор называет проявления одержимости не иначе, как театром, а законы, по которым развиваются события, законами классической *комедии дель арте*, [35, р. 3] отмечая, что одержимый как бы надевал на себя личину демона как маску и как бы говорил от его лица.

К выводу о ролевой сути одержимости также пришел американский социолог Ирвинг Гофман [7]. Он описывает состояние

одержимости, как продукт социальных отношений и знаний, аккумулирующихся в форме исполнения роли одержимого в необходимый и важный для всей общины момент.

Среди современных работ, написанных в данном ключе, можно назвать исследование К.Д. Воробек «Одержимые: Женщины, ведьмы и демоны в Российской империи» [43]. В своей работе исследовательница подчеркивает, что кликуша - прежде всего роль, неизбежная на «культурной сцене» той эпохи. Используя метафору драмы, К.Д. Воробек стремится выявить социокультурную природу одержимости (кликушества) и выделяет несколько основных функций изучаемого явления, в частности – воспитательную, назидательную и гадательную функции, функцию поиска колдунов [27, с. 58–60].

К схожим выводам относительно природы происхождения одержимости приходит и отечественная исследовательница кликушества С.В. Голикова [6, с. 130–136], рассматривая ее как продукт социально-исторической практики.

На сегодняшний день большая часть исследований, посвященных изучению одержимости, так или иначе, написана при использовании методологических наработок историко-антропологического подхода. Например, работы Ф.А. Элмонда [30], в которых автор изучает явление в отражении элитарной культуры; Н. Кациола [34], которая разрабатывает теорию культурной и общественной идентичности через проявление одержимости у женщин; статьи и исследования М. Слаховски [41], рассматривающего одержимость, как отражение духовного климата эпохи; работа С. Фербер [36], в которой на первое место поставлено изучение практик экзорцизма, а сам экзорцизм представлен как инструмент воздействия на массы, а одержимость как инструмент пропаганды и др.

Однако вместе с тем, многих авторов в большей степени занимают другие вопросы. Определяющими методами исследований остаются прежние сугубо исторические подходы, тогда как проблема выявления природы одержимости авторами поднимается лишь вскользь и серьезно не рассматривается, как, например, в работах Б. Левака [38] и К. Сандс [40].

Главными плюсами историко-антропологического направления являются междисциплинарность методологической базы исследований, намеренное избегание авторами категоричности в оценке явления, стремление к наиболее полной реконструкции событий сквозь призму какого-то одного сюжета или проблематики связанной с темой одержимости. Именно этот подход решает одну из сложнейших проблем, связанных с изучением западноевропейской демонической

одержимости XVI–XVII вв., проблему реконструкции культурной, духовной и социальной жизни общества указанного периода.

Интересным является и то, что в настоящее время прослеживается тенденция взаимопроникновения каждого из выделенных методологических подходов друг в друга. Ни один из них не встречается в чистом виде. Даже такие консервативные, на первый взгляд, как теологический или медицинский подходы, опираются на достижения других областей знания. Этнографы и антропологи используют и привлекают в свои исследования наработки психологов и историков, что, безусловно, дает свои результаты. Сегодня к исследованию проблематики колдовства и одержимости активно привлекаются также наработки фольклористов, искусствоведов, лингвистов и пр.

Одним из ярких представителей данного направления является А.А. Панченко. В своей работе [20, с. 324–341] автор выявляет социокультурное значение кликушества в повседневной жизни русского крестьянства, применяя разные методы смежных областей знания, начиная лингвистическими и психодиагностическими и заканчивая антропологическими и фольклорно-этнографическими приемами.

Подведем основные итоги представленного исследования. Было выделено четыре основных и несколько вспомогательных методологических подходов в изучении демонической позднесредневековой одержимости: 1) теологический, 2) медицинский (психиатрический), 3) конспирологический 4) историко-антропологический, который делится на несколько отдельных подходов: а) гендерный, б) антрополого-этнографический, в) социально-ролевой. Были представлены достижения данных подходов применительно к изучению феномена одержимости и главные перспективы будущих исследований указанной проблематики.

Рассмотрев все достоинства и недостатки предложенных методологических подходов к изучению феномена, можно сделать вывод, что интерпретация явления напрямую зависит от выбранного инструментария и материала, на котором строится исследование. Перспективным представляется объединение методологических подходов, привлечение достижений смежных областей знания для реконструкции наиболее полной картины происходивших событий. Спорность и противоречивость оценок и мнений в отношении одержимости, которые существуют на сегодняшний день, доказывают необходимость подобного объединения методологических подходов для решения этой проблемы.

Список литературы:

1. Алмазов А.И. Чин над бесноватым: (Памятник греческой письменности XVII в.) / . – Одесса : «Экономическая» типография», 1901. – 96 с.; ил.
2. Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: антропология болезни в средние века. СПб., 2004. М.: Алетейя. – 400 с.
3. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. / – СПб. и др.: Питер, 2001. – 254, [2] с.
4. Водовство, которого не было. / пер. с англ. Н. Масловой; Сост., предисл. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2005. – 448 с.
5. Гиффорд Дж. Диалог о ведьмах и колдовстве // Демонология эпохи Возрождения (XVI–XVII вв.): Пер. с англ., лат., нем., фр. / Переводы В.А. Гафнера и др.; Общ. ред., сост. и предисл. М.А. Тимофеева; Примеч. Н.В. Симоновой и др. – М. : РОССПЭН, 1996. – С. 59–148.
6. Голикова С.В. Кликушество: невежество, обман, болезнь, суеверие? Представление о кликушах по материалам Урала и Западной Сибири XVII – начала XX в. // Вестник Уральского отделения РАН. – 2009, – № 4. – С. 130–136.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Ирвинг Гофман; Пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева (науч. ред.); Московская высшая школа соц. и экон. наук; Центр фундаментальной социологии; – М.: Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2000. – 302, [2] с.
8. Девис Н.-З. Дамы на обочине: три женских портрета XVII века. / Пер. с англ. Т. Доброницкой. – М.: Новое лит. обозрение, 1999. – 391, [9] с.: ил.
9. Духовный взгляд на малеванщину и кликушество. По поводу статьи И. Сикорского «Психопатическая эпидемия» 1892 г. // Душеполезное чтение. 1893. Август. – С. 589–595.
10. Дюма А. История знаменитых преступлений. М.: Альфа-книга, 2010. – 1280 с.: ил.
11. Игина Ю.Ф. Медицина против демонологии: дискуссия вокруг водовства, одержимости дьяволом и практик экзорцизма // Вестник Санкт-Петербургского университета, – 2007. – Вып. 3. – С. 150–156.
12. Йохансен У. Экстаз и одержимость: различия в переживаниях шаманов Сибири и Центральной Азии // Этнографическое обозрение, – 2007. – № 1. – С. 19–31.
13. Каннабих Ю.В. История психиатрии. / Предисл. П.Б. Ганнушкина. – М. : ЦТР МГП ВОС, 1994. – 528 с.: ил.
14. Криппнер С. Методы психологического исследования и сообщения об аномальных явлениях в практиках шаманов // Этнографическое обозрение, – 2007. – № 1. – С. 46–55.
15. Краинский Н.В. Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. Новгород, 1900. – 44 с.

16. Лахтин М.Ю. Бессоодержимость в современной деревне. Историко-психологическое исследование // Вопросы философии и психологии. М., 1910. Кн. 102. – С. 141–184.
17. Марк, игумен. Злые духи и их влияние на людей. СПб., 1899. – 180 с.
18. Мельникова Е.А. Отчитывание бесноватых: практики и дискурсы // Антропологический форум. М., – 2008. – № 4, – С. 220–263.
19. Никитин М.П. К вопросу о кликушестве // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. СПб., 1903. Год 8. № 9. – С. 656–668; № 10. – С. 746–756.
20. Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. / Александр Панченко ; [Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед., Центр типологии и семиотики фольклора]. - [2-е изд.]. – М.: ОГИ, 2004. – 541, [1] с.
21. Роббинс Р.Х. Энциклопедия колдовства и демонологии. /; Пер. с англ. Т.М. Колядич, Ф.С. Капица; Отв. ред. Ф.С. Капица. – М.: Локид : Миф, 1996. – 556, [4] с.: ил.
22. Сикорский И.А. Психопатическая эпидемия 1982 г. в Киевской губернии. Киев, 1893. Тип. Имп.Унив. Св.Владимира С. 1–46.
23. Скотт В. Письма о демонологии и колдовстве. : [Перевод] / Вальтер Скотт; [Сост., подгот. текста, коммент. К. Королева]. – М. СПб.: ЭКСМО: Terra fantastica, 2002. – 763, [5] с. – (Антология мысли).
24. С-о. Михаил. Злые духи (демоны) по учению Иоанна Кронштадтского. СПб., 1903.
25. Фрейд З. Невроз Дьявола в семнадцатом веке, 1923. // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 7. – С. 283–322.
26. Хаксли О. Луденские демоны. / Пер. с англ. Э. Вороновой; Вступ. ст. А. Зверева. – М.: ТЕРРА, 2000. – 320 с.
27. Христофорова О.Б. Кликуши, как явление русской народной жизни // Живая старина. 2005. №1. С.58-60.
28. Шпренгер Я., Инстититорис Г. Молот ведьм. / Пер. с лат. Цветков Н.; Предисл. Лозинский С.М., 1932; 2-е изд. – М.: Интербук, 1990. – 351 с.: ил.
29. Яков I, король. Демонология в форме диалога // Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII–XIX вв. – М.: Канон +, 1999, – С. 345–385.
30. Almond Philip C. Demonic possession and exorcism in early modern England: contemporary texts and their cultural context. New York, Cambridge University Press, 2004. – 405 p.
31. Bodin J. Damonomania // Levak B. The witchcraft sourcebook. London, Routledge, Taylor & Fracis Group, 2003. – P. 128–134.
32. Boddy J. Spirit possession revisited: beyond instrumentality // Annual Review of Anthropology, – Vol. 23, – 1994. – P. 407–433.

33. Bourguignon E. Possession. San Francisco: Candler & Sharp, 1976. – 80 p.
34. Caciola N. Discerning spirits. Divine and demonic possession in the Middle ages. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. – 335 p.
35. Certeau M. The possession at Loudun. Chicago, the University Chicago Press, 2000. – 257 p.
36. Ferber S. Demonic possession and exorcism in early modern France. London, Routledge, Taylor & Francis Group, 2004. – 220 p.
37. Goodman F. The Exorcism of Anneliese Michel. Doubleday: Garden City, NY, 1981. – 255 p.
38. Levak B. The witchcraft sourcebook. London, Routledge, Taylor & Francis Group, 2003. – 348 p.
39. Lewis I.M. Ecstatic religion: an anthropological study of spirit possession and shamanism. London, Harmondsworth, Eng.: Penguin Book, 1989. – 221 p.
40. Sands Kathleen R. Demon possession in Elizabethan England. Greenwood Publishing Group, Inc, Westport, CT, 2004. – 227 p.
41. Sluchovsky M. Believe not every spirit: possession, mysticism, and discernment in early modern Catholicism. Chicago, The University of Chicago Press, 2007. – 374 p.
42. Whiting J. The Devils. Samuel Franch acting edition ltd, London, United Kingdom, 1966. – 88 p.
43. Worobec C.D. Possessed: Women, witches and demons in Imperial Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001. – 288 p.

«ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА» СТЕНДАЛЯ В ОЦЕНКЕ ИТАЛЬЯНСКОГО АНОНИМНОГО КРИТИКА

Лещенко (Ольшанская) Наталия Михайловна

канд. ист. наук,

РФ, г. Урюпинск Волгоградской области

E-mail: nata_5827@mail.ru

«NAPOLEON'S LIFE» BY STENDHAL IN THE OPINION OF THE ITALIAN ANONYMOUS CRITIC

Natalia Leschenko(Olschanskaja)

*candidate of Historical Sciences,
Russia, Urjupinsk of Volgograd region*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается отзыв неизвестного итальянского критика на историческую работу Стендаля «Жизнь Наполеона». Автором делается вывод, что по данной рецензии можно судить и об интересе современников к личности Наполеона, и о ценности биографического сочинения Стендаля как источника по изучению истории наполеоновской эпохи.

ABSTRACT

In the article the response of the unknown Italian critic for historical Stendhal's work "Napoleon's Life" is considered. The author draws a conclusion that according to this review it is possible to judge as the interest of contemporaries to Napoleon's identity, as the value of biographical Stendhal's writings as a source for the study of the history of the Napoleonic era.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт; Стендаль; наполеоновская эпоха; биографическое сочинение; рецензия.

Keywords: Napoleon Bonaparte; Stendhal; the Napoleonic era; biographical essay; review.

В ноябре 1817 года Анри Бейль, бывший аудитор Государственного Совета Франции, участник Московского похода 1812 года, впоследствии известный писатель Фредерик Стендаль, обратился к историческому жизнеописанию одного из величайших людей мира, своего современника – Наполеона Бонапарта. Он не мог спокойно наблюдать за осквернением наследия революции и ее деятелей, и в биографическом сочинении хотел восстановить подлинные факты революционной эпохи, свидетелем которых являлся. Как отмечал отечественный историк наполеоновской эпохи Д.М. Туган-Барановский, «падение Наполеона вызвало к жизни появление большого количества пасквилей, рисовавших еще недавний режим исключительно в черном цвете» [2, с. 6]. По подсчетам французского ученого Ж. Тюлара, за период с 1815 по 1821 гг.

во Франции было опубликовано около пятисот памфлетов. Историк рассуждал: «Каков был их тираж? Никто не знает. Низкий, вероятно. В своем огромном большинстве эти сочинения были напечатаны в Париже, но их аудитория не была ограничена столицей» [4, р. 36].

«Жизнь Наполеона» Стендаль писал до второй половины 1818 года, с перерывами, и вскоре совсем прекратил работу над биографией, так как в ней он выражал такие мысли, которые в то время не могли быть опубликованы – во Франции свирепствовала антибонапартистская реакция.

Автор не решился при жизни рукопись обнародовать, и, к сожалению, «Жизнь Наполеона» для его современников осталась неизвестной. На сегодняшний день известна только одна попытка критического разбора этого сочинения, которая принадлежит анонимному итальянскому автору, современнику писателя.

Предположительно, Стендаль вскоре по завершению труда дал его для прочтения некоторым миланцам. Один из них написал отзыв, сохранившийся в бумагах Стендаля в Гренобльской библиотеке. Какие-нибудь сведения об авторе в настоящее время отсутствуют. Стендалевед Л. Руайе в своих комментариях к тексту, который был назван «Рассуждения одного анонимного итальянца над «Жизнью Наполеона» отмечал, что «автора отрывка мы не смогли определить, текст он подписал только первым слогом своего имени: Ri, и помещен в первом томе манускрипта 292 «Жизнь Наполеона» [3, р. 448].

С тех пор, как в 1929 году работа Стендаля была полностью опубликована в издательстве «Чемпион», она не раз становилась предметом научных исследований. Ее изучали и анализировали такие признанные отечественные авторы, как Б.Г. Реизов (Реизов Б.Г. Стендаль. Годы учения. М., 1986), Я. Фрид (Фрид Я. Стендаль. Очерк жизни и творчества. М., 1967), а за рубежом М. Хайслер (M. Heisler. Stendhal et Napoleon. Paris, 1959), В. дель Литто (Del Litto V. La vie intellectuelle de Stendhal. Genese et evolution deses idees (1802–1821). Paris, 1959) и другие.

Как уже упоминалось выше, Стендаль отдал рукопись на прочтение знакомым миланцам, и в архиве писателя сохранился только единственный отзыв, который мы ниже подробно рассмотрим.

Общий его настрой, по нашему мнению, по отношению к историческому труду Стендаля был достаточно доброжелательным. Итальянец, предположительно, находился с ним в дружеских отношениях, так как высказывал ему замечания в достаточно мягком тоне. Он внимательно прочитал «Жизнь Наполеона», подчеркнул, что

никто «не может судить Бонапарта взглядом без предрассудков», и перечислил недостатки биографического сочинения:

Во-первых, он посчитал неправильным озаглавливать книгу «Жизнь Наполеона Бонапарта»: «Жизнь» должна мне сообщить в деталях всю цепочку страданий и радостей, которые сильно повлияли на великую личность и заставили ее вырасти в того, кем стала». Этого, по мнению анонима, автор абсолютно не делает, а в некоторых главах описывает только случаи из жизни этой личности: «в четвертой или пятой главах я вижу их начертанными, некоторые со значительной тонкостью и пронизательностью; но едва Бонапарт, следуя по нити вашего рассказа, вдел ногу в стремя, ваше размышление полностью поглощено важностью и значительностью совершенных им действий. История человека уступает место манию величия вождя и деспота, все следующие главы – либо восхваление некоторых известных событий, либо рассуждения над политическими обстоятельствами, которые повлияли на поведение Бонапарта» [3, р. 445].

Во-вторых, критик отметил несоответствие названия книги «Жизнь Наполеона» и содержания, так как в ней много присутствует подробностей, которые жизни Бонапарта не касаются, например: описание королевского двора, замечания о министрах и Государственном Совете. Эти описания он считал неуместными и излишними в книге. Поэтому «необходимо было рассказать о весьма многочисленных событиях его жизни (Наполеона), либо сократить подробности вещей, которые не относятся к нему» [3, р. 446].

Рецензент посоветовал Стендалю изменить название книги: назвать работу «Рассуждения о жизни Наполеона Бонапарта», так как книга, «озаглавленная «Жизнь», стала бы отрывком вместо законченного произведения» [3, р. 446].

Но, как мы знаем, Стендаль этого не сделал, оставив прежнее название.

В-третьих, было сделано замечание по поводу недостаточно полного раскрытия принципов Наполеона относительно Италии. Автор считал, что «вопрос присоединения Италии к Французской империи, если Бонапарт добился успеха в намерении восстановить Западную империю, должен был трактоваться иначе» [3, р. 446].

Как же именно, по его мнению?

Стендаль должен был оценить влияние, оказанное на различные государства Италии, присоединение, которое было сделано к империи, и сравнить развитие государственного духа.

К тому же, писатель мог бы указать на «большую ошибку Бонапарта не объединить всю Италию в 1813 году», поясняя это тем, что пока Франция была сильной, Бонапарт мог считать итальянское государство второстепенной страной. Но затем такие обстоятельства, как победа Москвы и истощение национальных средств заставили его «отказаться от мысли создать единую империю большей части Европы» [3, р. 446].

В этот ответственный период Бонапарт должен был почувствовать, что «присоединенная Италия становится второй достаточно великой для него державой, чтобы послужить убежищем, если Франция подвергнется иностранному вторжению» [3, р. 447].

Автор выразил уверенность, что если бы Наполеон установил независимость Италии, он не был бы послан на о. Эльба, а затем и Святой Елены, так как его поддержал бы «национальный пыл 15 миллионов человек, объединившихся в первый раз после этих столетий безнадежного порабощения» [3, р. 447]. Но миланец ошибался в своих предположениях. Один из авторов трехтомника «История Италии», советский историк В.С. Бондарчук справедливо заметил, что «в последнее пятилетие наполеоновского господства, в 1810–1814 гг. недовольство наполеоновскими порядками стало всеобщим» [1, с. 77]. В стране стали возникать многочисленные тайные общества. О какой поддержке можно говорить, если спустя две недели после отречения Наполеона от престола произошло народное восстание в Милане, в результате которого наполеоновская администрация была свергнута? Но зависимость от Франции вскоре сменилась на зависимость от Австрийской империи: 12 июня 1814 года Ломбардия была к ней присоединена в результате боевых действий австрийцев, и монархические порядки, существовавшие в стране до установления наполеоновского режима, восстановлены.

В-четвертых, миланский критик сделал конкретные замечания по содержанию. Он возразил Стендалю, когда тот утверждал, что о победах Наполеона нужно рассказывать с подробностями, «заставив считать все сверхъестественным». Это выражение показалось ему искаженным, – он считал, что детали представляются сверхъестественными тому, кто не был знаком с военным искусством. При близком изучении все руководство Бонапарта сражениями, «которые на первый взгляд являются необычными, стало бы очень естественным и простым, как гений, который их создал» [3, р. 447].

В-пятых, как знаток истории своей страны, аноним не согласился с мнением Стендаля о возвращении жизни самой красивой части римской империи – Ломбардии и выразил сомнение: «может

ли Ломбардия называться частью римской империи, поскольку она получила это название как раз после падения империи» [3, р. 447]. Далее он отметил, что называлась эта территория не иначе, как «Саллия». Вероятно, здесь наблюдается типичная опечатка в наборе названия, либо издатели неверно прочитали начальную букву в рукописи, так как указанного топонима в истории Западной Европы не существовало.

В целом рукопись Стендаля итальянский читатель затруднялся оценить однозначно. Он подчеркнул, что лишь некоторые главы показались ему превосходными, но, несмотря на это, стиль книги, серьезный и быстрый, привлекает и приобретает большую силу.

Итак, мы рассмотрели один из первых отзывов на «Жизнь Наполеона» Стендаля, написанный еще при жизни автора. Несмотря на замечания по содержанию и изложению материала, которые не уменьшили историческую значимость биографии, в нем, на наш взгляд, содержалась объективная оценка. Так как аноним являлся итальянцем, то можно объяснить, почему половину своей рецензии он посвящает разбору глав, непосредственно касающихся истории его страны, превозносит достоинства, что, соответственно, не могло не отразиться на ее тоне. Однако сам факт существования подобной работы свидетельствует и о неподдельном интересе современников к личности Наполеона, и о ценности биографического сочинения Стендаля как источника по изучению истории наполеоновской эпохи.

Список литературы:

1. Бондарчук В.С. Италия в конце XVIII – первой половине XIX в. Первый этап Рисорджименто // История Италии в 3 т. М.: Издательство «Наука», – 1970. – Т. 2. – С. 5–79.
2. Туган-Барановский Д.М. Наполеон и власть (эпоха Консульства). Балашов: Издательство БГПИ, 1993. – 304 с.
3. Jugement d'un Italien anonyme sur la “*Vie de Napoléon*” // Stendhal. Napoléon. Paris, 1929. Т. I. Vie de Napoléon. – P. 444–447.
4. Tulard J. L’anti-Napoleon. La Légende noire de l’empereur. Paris, 1965. – P. 267.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
LVI международной научно-практической конференции

№ 12 (52)
Декабрь 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 21.12.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,75. Тираж 550 экз.

Издательство АНС «СибАК»
630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3